
ОСТАП
ЗОЛОТЫЕ
ПИЛИГРИМЫ
СТУЖЕВ
18+

Остап Стужев

Золотые пилигримы

Издательство «Омега-Л»

2026

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Стужев О. И.

Золотые пилигримы / О. И. Стужев — Издательство «Омега-Л», 2026

ISBN 978-5-370-05755-7

Масштабная криминальная сага, в которой два советских подростка запускают цепь событий планетарного масштаба. Читателя ждет путешествие через континенты – от московских переулков до парижских ресторанов, от колумбийских джунглей до кабинетов ЦРУ, – где пересекаются интересы мафии, спецслужб и международных корпораций в борьбе за алмазы, украденные при загадочном ограблении в Антверпене. Это больше чем детектив – это интеллектуальный триллер, где личные драмы переплетаются с глобальными процессами, а криминальная интрига обретает философскую глубину. Книга для тех, кто ценит сложные сюжеты, богатый язык и хочет понять, как случайные встречи и давние тайны могут определять ход истории.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-370-05755-7

© Стужев О. И., 2026
© Издательство «Омега-Л», 2026

Содержание

Бриллиантовая сага 6
«Золотые пилигримы» О. Стужева 8
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Остап Стужев
Золотые пилигримы

© Стужев О., 2026
© Издание, оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2026

Бриллиантовая сага

Остап Стужев написал настоящую криминальную сагу нового времени. Его роман «Золотые пилигримы» – это головокружительный калейдоскоп событий, со множеством интриг, тайн и сюжетных пружин. Действие происходит в 2012 и 2013 годах. Иногда автор позволяет себе реминисценции в прошлое, чтобы лучше объяснить ту или иную предпосылку действий героев.

Чем примечательна проза Остапа Стужева? Что выделяет ее из ряда других сочинений в авантюрном жанре? Что заставляет читать ее не отрываясь, замирая от достоверности происходящих событий.

Блестяще эрудированный, он пристально изучает весь антураж, на фоне которого происходят события. В книге нет ни капли шарлатанства, в центре повествования череда разнообразных махинаций, связанных с выводом денег из страны. Весь процесс описан Стужевым четко, во всех подробностях, но по ходу действия выясняется, что это история с множеством планов, где в единый клубок связано давнее ограбление в Антверпене, где пропала куча алмазов, с участием двух русских гангстеров, война колумбийских наркокартелей, ЦРУ и его глобальная программа по поддержке националистов из Украины. Именно исчезновение алмазов становится толчком для разворачивания событий, а также то, что часть грабителей были обмануты и остались ни с чем. От алмазов все стартует, они же играют ключевую роль в развязке. Так вот! Всю эту сложную конструкцию Стужев выстраивает безупречно логично, интересно и правдиво. И помогает ему великолепное знание материала плюс политическое и этнографическое чутье. Это проявляется в точных и обильно рассыпанных по тексту деталях. Один из его героев, цэрэушник Фишер, в прошлом культурист. Стужев очень внимательно относится ко всему, что связано с его образом жизни, ведь культурист строит свой день, питание совсем по-другому, нежели обычный человек. Исключительно гибко выписаны повадки и аксессуары героинь – от хитроумной секретарши в крупном холдинге Елены до любовницы загадочного криминального авторитета Магера Софьи Ивановой. В романе много топографии: тут и Москва, и Париж, и Колумбия, и Амстердам, и Кипр. В показе мест нет ничего случайного, никаких общих слов. В Париже сочно описаны дорогие рестораны, не забывает автор поставить одного из персонажей в зависимость от знаменитых парижских пробок при въезде в город. Большое внимание уделено описанию блюд, и это не просто смакование, каждая социальная группа имеет свои вкусовые пристрастия, и это добавляет важные черты к портретам героев. Бережно и подробно описаны улицы и переулки Москвы, видно, что автор не представляет себе прозы без подробнейшей перспективы улиц и проспектов, без очарования ландшафтов, с которыми резко контрастирует ужас и жестокость происходящих событий. Этот художественный прием работает хорошо, создает объем и полифонию.

Несмотря на немалый объем, обилие историй, поворотов, четко прослеживается главная идея романа. Часто там, где деньги, блеск – изнанка человеческой жизни, а все бредни западных мейнстримных СМИ про свободу и демократию настолько лживы, что верить им может только умалишенный. В какой-то степени такой жертвой себя ощущает литовец Ян, ныне офицер НАТО, но живущий с травмой последствий национализма. Постепенно понимаешь, что многие мотивировки его поступков и жизненной стратегии как-то связаны со старой тайной. И это написано не в лоб, об этом догадываешься со временем, и эта догадка возвышает читателя, превращает его из наблюдателя в соучастника литературного действа. Политики в романе не так много, больше криминальная жизнь, но последняя сцена, когда освобожденный из тюрьмы снайпер отправляется на Украину, это не только политический воздух, которыми наполняются легкие прозаического текста, но и четкий намек на позицию автора. Именно с неопознанных снайперов на Майдане запущена цепочка трагических событий. Все наперебой обвиняют в

этом Януковича и Россию, хотя тем, кто способен к минимальному анализу, ясно, чья это была работа.

Особо добрых слов заслуживает то, каких героев придумывает Стужев, какой фабульный гардероб из них составляет. Его герои, как планеты, вертящиеся вокруг солнца, они все завязаны в отношения, полны горизонтальных связей, и это позволяет читателю не заблудиться в них, а следить с интересом, как вся эта картина складывается, как американцы, колумбийцы, французы, русские, сами того не ведая, действуют по воле мощной пружины течения времени, стечения обстоятельств, чьих-то коварных замыслов.

Стужев великолепно знает, на каких трех китах держится выстраивание образов героев, – физиология, социология и психология. Для героев этого романа автор не жалеет ни слов, ни красок, чтобы описать их внешность, происхождение и особенности характера. Узнавая детали их жизни, а они пересказаны весьма подробно, мы осознаем, что привело их к той ситуации, где они оказываются, когда история, рассказанная Остапом Стужевым, только начинается. Сюжетные узлы, как водится в первоклассных остросюжетных романах, развяжутся лишь к самому финалу. Деньги не приносят счастья, а все тайное всегда становится явным. Но есть те, кто тянет за нити жизни (таков один из главных героев Земцов), и если они держатся крепко, то обязательно заберут банк. Стужев блестяще выводит на страницах романа касту бывших советских партийных и комсомольских работников, сразу после крушения СССР записавшихся в «строители» новой России. Автор не делает из своих героев Робин Гудов, но умело показывает, что ничто человеческое им не чуждо, и в этой своей слабости они обретают хоть и маленький, но шанс на читательское сочувствие. Стужев пишет крупными мазками, двигает сюжет быстро, но иногда позволяет себе меткое сравнение, образ. Так, мне запомнилось выражение, что легче найти следы пиратских шхун на Гавайях, чем порочащие следы в биографии любимой женщины. В общем, читайте эту книгу. Вы узнаете много нового и насладитесь лихо закрученной интригой. При этом перед вами будет классный художественный текст, детальный, образный и гармоничный.

М. А. Замшев, главный редактор «Литературной газеты»,
председатель Правления МГО Союза писателей России,
президент «Академии поэзии»,
член Совета по развитию гражданского общества
и защите прав человека при Президенте РФ

«Золотые пилигримы» О. Стужева

Политический триллер, который нам представил автор, уникален по своему содержанию, форме и сюжету. По сути, мы являемся свидетелями феномена в отечественной художественной литературе, которые еще только предстоит оценить критикам.

Жанр произведения О. Стужева во многом противоречив и не сразу поддается полной филологической идентификации. Внимательное прочтение говорит о наличии романтических, приключенческих, детективных стилей изложения этого автора. На страницах его книги мы находим изложение мыслей даже в форме пьесы, с обозначением прямой речи и указанием действующих лиц, когда автор неожиданно для всех заявляет о своих драматургических пристрастиях!

В этом и заключается новаторство О. Стужева, его пионерский подход к раскрытию замысловато построенного сюжета. Событийный ряд его произведения калейдоскопичен по своему содержанию во всех смыслах: и по хронологии, и по географии, и по охвату описания социальных слоев общества, которые сотканы в единую нить из жизненных путей героев.

Автор погружает читателя в мир реальных событий прошлого и современности и держит его в напряжении до последних строчек своего произведения, невольно заставляя волноваться в тревожном ожидании итога повествования.

Здесь все дышит загадкой и неопределенностью, и чем дальше уходит канва судеб главных действующих лиц, тем выше становится градус ожидания развязки сюжета.

Дружба и любовь замысловато переплетаются с ненавистью и предательством. Измена и искренняя преданность живут здесь рядом и с неожиданностью могут преподнести сюрпризы в своем развитии, давая повод читателю воспринимать это как парадоксы истории или рок судьбы.

Книга познавательна и интересна с лингвистической и исторической точек зрения. Речь испанцев, итальянцев, французов, немцев, русских, литовцев, евреев пестрит цитатами и языковым своеобразием на просторах Америки и Европы.

Мир бизнеса, спецслужб и госкорпораций затейливо переплетается с миром гангстеров, киллеров и наркомафии, придавая пилигримам О. Стужева своеобразную пикантность, порождая неподдельный интерес к их взаимоотношениям и судьбам.

Интрига сюжета, его своеобразие и неповторимая специфичность захватывают читателя, бросают его мысли из стороны в сторону из одной страны в другую, из одного временного промежутка в другие времена и годы.

Переживая вместе с героями произведения их жизненные передряги, мы одновременно познаем и мир этих пилигримов, их ментальность и суть моральных приверженностей.

Контекст событий 1980–1990-х годов формируют типичные людские образы начала XXI века. Война в Афганистане, политика перестройки, развал СССР отражены автором как предтеча событий 2000-х годов и даже, в какой-то мере, вооруженного конфликта на Украине.

Социальная палитра триллера с обширной портретной галереей реально дает представление о скрытых, «теневых» сторонах российской действительности, которые постепенно формировали негативный потенциал и противоречивость в недрах общественного сознания.

По сути, в этом событийном круговороте читатель может опосредованно найти причины раскола в современных элитах, когда военное противостояние России и Украины ярко обозначило принципиальное различие между сторонниками и противниками развития общеславянской цивилизации в лоне единой идеологической парадигмы.

Книжный текст с простым и понятным изложением мыслей свидетельствует о широкой эрудиции О. Стужева в тех сферах жизненного пространства, в которых разворачиваются собы-

тия триллера, а также о его лингвистических пристрастиях и профессиональных предпочтениях.

Окончательное осмысление текста дает возможность оценить его как произведение художественного формата на литературном поприще с далеко идущими перспективами синтеза различных жанров и многогранностью сюжета в стремительно меняющейся атмосфере событий.

А. И. Пожаров, профессор МГЛУ, доктор исторических наук
Франция. Март 2011 года

Небо давно потеряло свою синеву, словно полиняв от солнца, слепившего им глаза. Они пробовали изменить позицию, но время работало против них. Маленький отряд, состоявший всего из трех человек, был собран наспех, и старшему так и не удавалось добиться беспрекословного и немедленного выполнения своих команд. Спешно переброшенные из Барселоны на Франш-Конте всего несколько часов назад, получив обычный для них приказ, они делали то, что могли в условиях почти полной дезориентации и абсолютного незнания местности.

Для одного из них, самого младшего, долговязого парня с допотопной базукой, прицел которой он безуспешно пытался приспособить поудобнее, это был отличный шанс проявить себя. Он не собирался его упустить ни при каких обстоятельствах и уж тем более из-за бестолковых действий старого дурня Хесуса, назначенного старшим их группы явно по недоразумению. Палец потянул за триггер, как только лимузин вынырнул из-за поворота, и в ту же секунду столб пламени сделал горизонт совсем белым.

– Hostia! Que carbon eres, ahora no podemos ver nada ni nadie![1]– Говоривший злобно выплевывал слова прямо в лицо лежавшему рядом с ним длинноволосому верзиле, дрожащими руками растиравшему глаза от попавших в них газов.

– No veo, no puedo ver. Coño, estoy ciego![2]– всхлипывал тот в ответ, не обращая внимания на плевки Хесуса.

Третий боец, в таком же темно-зеленом спортивном костюме и беговых кроссовках, как и остальные, перестал пытаться хоть что-то увидеть сквозь оптический прицел и вопросительно посмотрел на вожака. Внизу, на автостраде, совсем недалеко, метрах в двухстах, черные клубы дыма застилали то, что по плану было его целью.

– Dispara, dispara! Santos, leche disarate una vez![3]– теперь почти кричал ему стоявший на одном колене латинос.

Нервно вытягивая шею, он приставил ладонь к козырьку бейсболки, как будто это могло помочь разглядеть что-то существенное.

– Soy francotirador, i eso tampoco es una metralladora, Jesus[4], – говоривший отложил в сторону винтовку и, достав из сумки-грыжи маленький бинокль, пытался угадать хоть какое-то движение на краях огненного шара.

Но исправить что-то уже было невозможно. Если кто-то и остался в живых при взрыве, пламя, охватившее машину, неминуемо должно было поглотить всех внутри и вокруг. Хесус, тридцатилетний мачо, научившийся убивать уже в девятилетнем возрасте, презрительно смотрел на слепого, в панике щупающего свое лицо.

[1] Ты конченный козел, теперь мы ничего не видим! (*исп.*)

[2] Я не вижу, я не могу видеть. Я ослеп! (*исп.*)

[3] Стреляй, стреляй! Сантос, стреляй ты уже! (*исп.*)

[4] Я снайпер, и это не пулемет, Хесус (*исп.*).

– Nos vamos[5], – промолвил он, обращаясь скорее к самому себе, чем к продолжавшему шарить взглядом по окрестности Сантосу.

Перекинув, словно тюк через плечо, продолжавшего скулить от боли и отчаяния парня, он побежал вниз по тропе, ловко разворачиваясь на каждом повороте и не обращая внимания на булыжники под ногами.

Снайпер, следовавший за ними налегке, более молодой и быстрый, уже примеривался, как их обогнать, чтобы, не теряя времени, завести спрятанное неподалеку авто, когда откуда-то сверху и чуть левее послышалось:

– Arête, arête, bouje pas![6]

И сразу же раздались выстрелы, оборвавшие жизнь Хесуса и спасшие от лишних страданий обреченного слепого. Сантос метнулся в сторону, пытаясь втиснуться в расщелину и укрыться за камнем, но, получив две пули в ногу, сложил руки за головой и, стараясь не чувствовать раскаленного металла, выжигающего изнутри мышцы, замер в ожидании, когда ажаны подойдут и наденут на него наручники. Он был жив, и это было главным для него в эту минуту.

* * *

Москва, Россия. Осень 2012 года

Москва плавно заходила в зиму. Стоял конец ноября, уже выпал и растаял первый снег, и мокрый асфальт черных улиц поблескивал калейдоскопом льдинок, отражавшим еще не выключенные фонари городского освещения. Центр города постепенно заполнялся автомобилями. В окнах бизнес-центров и разных учреждений загорался электрический свет. Служащие, секретарши и их начальники, многотысячная армия менеджеров и торговых представителей всех мастей спешили к своим компьютерам. Живущие далеко обычно приезжали раньше тех, кто жил поближе. Системные пробки делали жизнь невыносимо изматывающей, и время на дорогу рассчитать было невозможно. Только коммунальщики и охранники никуда не спешили: одни жили там же, где трудились, другие дежурили сутками и, хмурые и недоброжелательные, стояли возле рамок за распахнутыми дверями, проверяя документы и сумки посетителей.

Лена убрала пропуск и, подождав вместе с остальными у лифта, поднялась на седьмой этаж, где обитали топ-менеджеры корпорации. Она, как всегда, чуть-чуть опаздывала и немного переживала, что ее непосредственное начальство в лице руководителя секретариата Паулины Фроловны уже на месте и, как всегда, ищет предлог для бесконечных придирок. Легкое опоздание было в порядке вещей, просто иногда начальство приезжало рано утром, и это всегда означало, что Паулине Фроловне накануне домой звонил генеральный и устраивал садистский разнос, не позволявший сомкнуть глаз до зари. Естественно, первую волну плохого настроения она выплескивала на секретаршу, припоминая ей вслух все, что та должна была сделать и не сделала. Этого всегда оказывалось недостаточно для серьезного недовольства: Лена была прилежна и ответственна, поэтому именно опоздание становилось основным предметом обсуждения. Потом, в течение дня, все постепенно успокаивалось, и следующий месяц или даже два Лена могла себе позволить немного задержаться. Тем не менее она нередко испытывала тревожное чувство перед дверьми приемной.

Приложив пластиковый ключ, она вошла и включила свет. Приемная, к счастью, была пуста, и, значит, у нее было достаточно свободного времени, чтобы переодеть туфли, подкраситься, повертеться перед зеркалом – словом, совершить необходимый каждой женщине ритуал перед началом рабочего дня.

---

[5] Уходим (*исп.*).

[6] Стоять, стоять, не двигаться! (*фр.*)

Завершив столь важные дела, она включила компьютер и распечатала несколько файлов, после этого собрала бумаги и аккуратно сложила их в папку, на которой золотым тиснением было написано «Для совещаний» и чуть ниже «Генеральный директор И. В. Хайруллин».

Все делалось на автомате, это была рутинная подготовка к еженедельному совещанию. Появившаяся через несколько минут Паулина Фроловна немедленно развила бурную деятельность, распорядившись пригласить кучу дополнительного персонала, чтобы к прибытию Ильяса Валентиновича все было в полном порядке. И вправду, разве можно было представить такое важное событие без аккуратно расставленных бутылочек с водой, отдельно газированной и, соответственно, негазированной, стаканчиков, салфеточек и так далее и тому подобное. Первым в приемную прибыл начальник первого отдела, основной обязанностью которого было шлепать печати на бумаги внутреннего документооборота, определяя их значимость, а значит, и секретность. За глаза его называли не иначе как Сморчок из-за мелких черт лица и сильно выделявшихся морщин, идущих от носа к верхней губе. В довершение картины он носил толстый свитер, от которого несло ядреной смесью пота и табака. Сморчок, пользуясь привилегиями своего положения, курил прямо у себя за конторкой. Сегодня он был в отличном настроении. Заглядывая Лене через плечо, он шарил своим вездесущим взглядом по документам, лежащим на столе, не оставляя без внимания и разрез ее блузки. От этого занятия его отвлек главный технолог, явившийся в сопровождении директора по обеспечению. Снабженец заискивающе семенил рядом. Он был готов на любые унижения, лишь бы технолог продолжал согласовывать замены. Прописанные в технологических картах марки металлов всегда находились в дефиците и стоили сумасшедших денег. Меняя их на более доступные и более дешевые, снабженец увеличивал свое благосостояние ежедневно.

Игорь Низовцев влетел в приемную Хайруллина ровно за двадцать минут до начала, скинул плащ, пригладил волосы перед зеркалом. Он недавно сделал операцию по вживлению волос и теперь очень ими гордился, следя за тем, чтобы все выглядело максимально естественно. Игорь казался чуть старше своих тридцати пяти, но при этом не был лишен шарма, который с возрастом и деньгами незаметно приобретают все топы. Еженедельное совещание обычно начиналось в одиннадцать. Все участники старались подойти в приемную генерального минут на десять-пятнадцать раньше, чтобы поздороваться и присмотреться к обстановке, перекинуться парой ничего не значащих фраз и влиться в коллектив. Считалось дурным тоном явиться ровно к началу – лучше уж опоздать немного и, получив свою порцию публичного порицания, заслужить благодарность коллег за добровольно возложенную на себя роль громоотвода. Такое нелогичное и странное для наивного обывателя поведение было вполне естественным для этих людей, знавших цену аппаратной солидарности.

Низовцев поздоровался сначала со всеми, кто уже стоял в приемной, а потом с каждым в отдельности, вкладывая в рукопожатие то количество теплоты, которое соответствовало неписаной табели о рангах, принятой в их корпорации. А эта табель была отнюдь не проста: здесь двадцатилетний помощник зама по «не пойми чего делаем» мог стоять значительно выше седовласого начальника отдела. Как говорится, такой маленький, а уже принц! Отдельную порцию любви, выраженную бельгийскими шоколадками и обворожительной улыбкой, Низовцев подарил Паулине Фроловне и Лене, разговаривавшей с кем-то по служебному телефону.

Ильяс Валентинович Хайруллин сегодня, как, впрочем, и во все остальные дни, был безупречен. Манжеты белоснежной рубашки выглядывали из рукавов пиджака ровно настолько, насколько предписывали правила, седые волосы были зачесаны на косой пробор, а недорогие часы отечественной марки подчеркивали сдержанность и склонность к аскезе. Очень немногие, даже из посвященных, могли представить себе реальные размеры его состояния.

Проведение таких собраний Ильяс Валентинович считал краеугольным камнем управления. Он сам начинал свою карьеру после технического вуза, или, как это тогда называли, втуза, обыкновенным мастером в цеху. Утренние планерки, этот неизменный кошмар для всех,

кому накануне удавалось крепко бухнуть, въелись в его память, как машинное масло вместе с металлической пылью въедается в кожу токаря-фрезеровщика. Он рос по служебной лестнице, нельзя сказать, чтобы семимильными шагами, но и на ровном месте не спотыкался. Вместе с властью и деньгами пришло и понимание скрытых от постороннего взгляда процессов, которые на самом деле управляли социумом. В течение двух часов он молча выслушивал доклады, отчеты и планы, иногда уходящие в такое необозримое будущее, что серьезно относиться к этому могли только люди, управляющие не своими активами. При этом он постоянно отмечал что-то в своем блокноте, о содержании которого слагался свой корпоративный эпос. Атмосфера собрания заметно оживилась, когда слово получил финансовый директор: год подходил к концу, неумолимо наступало горячее время платежей, закрывающих крупные сделки.

К удивлению Низовцева, схема проводок курируемого им контракта, подписанного в Бельгии весной этого года, не вызвала никаких возражений, и он немедленно насторожился. Точно зная, как относится к нему Хайруллин, он не питал никаких иллюзий, что изменения, предлагаемые им по офшорным компаниям, участвующим в сделке, не вызовут ряд вопросов. Полгода, пролетевшие с того дня, когда представитель Европейского банка развития Ганс Гофман предложил им дополнительное финансирование в сделке с американской компанией, готовой поставить им станки двойного назначения, внесли значительные изменения в его видение дальнейших перспектив от службы в корпорации. Низовцев готовился к сегодняшнему совещанию не один день, и ответы на любые вопросы были у него готовы заранее. Инженер Траутвайн и коммерческий представитель американской стороны Роберт Фишер находились с ним в постоянном контакте. Все изменения подтверждались объемной перепиской и поддавались логическому объяснению. Как следствие, любые возражения со стороны оппонентов неминуемо должны были быть разбиты. Но возражений не последовало. Хайруллин, сделав какие-то пометки у себя в блокноте, только покивал и дал слово своему заместителю по капитальному строительству. Объемы вводимых в эксплуатацию площадей поражали своими масштабами, а их география охватывала почти всю Сибирь и Дальний Восток. Этот Клондайк был отгорожен для доступа большинства присутствующих незримой стеной понятийной иерархии, царившей в вотчине Ильяса Валентиновича, и поэтому слушать его было неинтересно.

Низовцев по привычке стал прикидывать, кого из сидящих сейчас с ним за столом ему следует всерьез опасаться, а кого можно считать своим активом. Расклад получался пока не в его пользу, хотя Сморчок давно был на его стороне, сладкая парочка из технолога и снабженца не вызывали у него особых опасений, но такие мастодонты, как финансист, главный инженер и еще несколько ключевых фигур в верхушке, составляли непоколебимый монолит. Намного проще было со средним звеном: его удаленность от распределения реальных благ измерялась галактическими расстояниями, и почти все шли на контакт. Единственным невзятым бастионом оставался маленький секретариат самого Хайруллина. И на это было несколько весьма веских причин. Несмотря на всеядность, Игорь Низовцев не мог представить себя в роли любовника Паулины Фроловны. Это выходило за любые рамки разумного. Лена, напротив, была бы весьма завидным и полезным трофеем, но отточенное чутье опытного ловеласа подсказывало ему, что он, мягко говоря, не в ее вкусе. Остальные сотрудники женского пола, возможно, были доступны и готовы к любым формам общения, однако их полезность в данном вопросе стремилась к нулю, и он с упорством отчаяния питал надежды на Ленину благосклонность.

* * *

Выйдя от Хайруллина, Низовцев еще некоторое время потолкался в приемной. Попытки завязать неформальный разговор с Леной ни к чему не привели, и он поспешил к себе в кабинет, где, заварив лошадиную дозу растворимого кофе, впервые задумался об уготованных ему

перспективах. Его судьба складывалась непросто, знала и взлеты и падения, которые не смог бы пережить даже восстающий из пепла феникс.

Всего десять лет назад его инвестиционная компания «Русский альянс» наводила ужас на буржуев, окопавшихся в криво приватизированной недвижимости столичного региона. Он отбирал квадратные метры у правых и неправых, пока не позарился на кусок, оказавшийся ему не по зубам. Оперативные данные, собранные об очередном московском богатее, не учли значение всего одной переменной. Организация Низовцева, состоявшая из представителей самых разных культур и мировоззрений, ловко проникала в такие простые сообщества, как трудовые коллективы универмагов, магазинов сантехники и маленьких рынков. Когда они начинали искать подходы к каждому вновь всплывавшему на горизонте объекту, первым, чем интересовались его люди, было наличие реальной силы за спиной того или иного лендлорда. Так в насмешку на английский манер именовали они свою будущую жертву. Именно в тот раз кто-то из них ошибся, и, получив зеленый свет от местных ментов, они ринулись в атаку. Целью был некий Иванов, о котором придется рассказать отдельно, потому что его история, начавшаяся еще в годы горбачевской перестройки, не только занимательна, но и поучительна.

* * *

В самом конце существования СССР Миша Иванов дослужился до должности зама председателя исполкома одного из райсоветов столицы. Это было счастливое время, когда государство каждый день отдавало людям новые и новые свободы и при этом еще не началось тотальное обесценивание рубля. Про доллар «пипл» знал только понаслышке. Город еще не был поделен китайскими династиями ЦАО, ЗАО, САО и так далее. Коммунальные службы не засыпали улицы тоннами химикатов, превращая Москву в мрачное и угрюмое пространство.

Именно тогда, в конце восьмидесятых, несколько самых крупных магазинов на больших и красивых улицах района, в котором Иванов осуществлял власть Советов, были сданы в аренду кооперативам. Все директора этих предприятий ежемесячно приносили толстые конверты с советскими рублями в кабинет заместителя председателя исполкома. Используя довольно кривую, но надежную схему, он сделал так, что директорами магазинов, сдавших их в аренду малым предприятиям, стали сами директора этих малых предприятий. Когда неожиданно прозревший секретарь Свердловского обкома КПСС переехал в столицу и занялся расчисткой пространства для своей креатуры, Миша понял, что пришло время валить подобрупоздорову, и отправился в бизнес. Проведя выборы директоров в подконтрольных ему магазинах – конечно, с соблюдением абсолютно всех демократических процедур, – Миша Иванов окончательно закрепил свое господство на этих территориях. Все следующие годы, несмотря на изменения в формах и названиях, неизменным оставалось одно: де-юре и де-факто хозяином этих площадей оставался Миша Иванов. Прошла приватизация, началась и закончилась скупка акций и долей у миноритарных акционеров, с которыми никто не церемонился: не хочешь продавать долю – завтра проведем собрание и увеличим «уставник» или просто исключим тебя под надуманным предлогом. Иди потом жалуйся.

Иванов заматерел, стал тучным и просиживал целыми днями допоздна в своем новом кабинете. Райсоветов давно не существовало, и Миша хвалил себя за дальновидность, радуясь, что вовремя ушел на вольные хлеба. Он постепенно привлек к управлению своих дочерей. Правда, любимица Софья только делала вид, что вникает в дела, зато старшая дочка, Марина, вскоре стала его реальной помощницей, взвалив на свои плечи всю бухгалтерию: и черную, и для налоговой службы. Софью Михайловну больше интересовали путешествия – все лето она проводила на морях. По мнению отца и старшей сестры, Соня была «непутевая», и это если не переходить уже к совсем нелестным эпитетам. Ей купили вполне приличный по меркам того времени коттедж на Кипре, недалеко от Пафоса. С тех пор она почти все время проводила

на солнечном острове, изредка наведываясь в Москву встретиться с подругами и походить по ночным клубам. В остальном жизнь его семьи была стабильна и приятна.

Появлялись и исчезали ребята в кожаных куртках с угрюмыми лицами, приезжавшие на подержанных БМВ или «Гранд-Чероки». Он умел ладить с ними, его не смущало их снисходительное обращение и то, что между собой они называли эту недвижимость своей. Раз в месяц Миша отдавал им пять тысяч долларов, что составляло чуть меньше получаемой им самим дневной прибыли. Парни радостно укатывали куда-то дальше по своим делам, порой навсегда. Потом пришли местные милиционеры и попросили чуть больше, но им была показана вся финансовая документация, кропотливо составленная Мариной. Иванов по-дружески поделился с ними всеми проблемами, и они удовлетворились трешкой в месяц. Правда, через пару лет им удалось навязать ему еще и ЧОП с тремя постами охраны, один из которых был круглосуточным. Это обстоятельство больше всего смущало Иванова. Он страшно боялся, что охранник ночью приведет гулящих девок и они, напившись водки, устроят ему пожар. Для того чтобы избежать этих неприятностей, Миша придумал запирать на ночь этого здоровяка в маленьком помещении недалеко от черного входа.

Пришли тучные нулевые, все товарно-денежные отношения, установившиеся с прошлого десятилетия, казались незыблемыми и неподвижными, как муха, застывшая в янтаре. Все рухнуло летом четвертого года, когда Иванов с дочерью, сидя в своем кабинете, проверял счета от поставщиков и коммунальщиков.

В дверь вежливо постучался и вошел скромный молодой человек в костюме и галстуке.

– Извините, пожалуйста. Я могу видеть директора ООО «Восток»?

Миша сначала хотел попросить его выйти, чтобы о нем доложил секретарь. В голове вертелась фраза «Почему без доклада?!», но, оценив вежливость и скромность паренька, снизошел до общения с ним.

– Да, я вас слушаю, чем могу помочь?

– Сорокин Николай Евгеньевич? – уточнил юноша, вертя в руках какой-то конверт.

– Какой Сорокин? Вам кто нужен, молодой человек? – спросил Миша, начиная сердиться по-настоящему.

– Как какой? Сорокин Николай Евгеньевич, генеральный директор ООО «Восток»! Вот, письмо ему из налоговой инспекции, – говоря это, юноша подошел ближе и протянул конверт с синей печатью почты и красным штампом отправителя.

Миша потянулся за письмом, но парень резко отдернул конверт.

– А вы Сорокин? – В глазах паренька играли веселые огоньки.

– Нет, я Иванов, – как-то растерянно промямлил Миша. Он хотел добавить, что он-то и есть директор ООО «Восток», но вконец распоясавшийся молодчик перебил его уже абсолютно невежливо:

– Так зачем вы руки тянете к чужой корреспонденции? А где Николай Евгеньевич? – В его голосе уже совсем открыто звучали глумливые нотки.

В этот самый момент, резко распахнув дверь, в кабинет вошел мужчина в сопровождении нескольких охранников.

– Вы директора ищете? – обратился он к изображающему возмущение парню, игравшему роль курьера.

Парень передал ему конверт, и мужчина прочитал вслух:

– Генеральному директору ООО «Восток» Сорокину Николаю Евгеньевичу. Да, это мне, – сказал он, обращаясь ко всем одновременно, и тут же добавил: – Охрана, выведете посторонних из моего кабинета!

Молодые крепкие парни, ни слова не говоря, подхватили Иванова и его дочь под мышки и аккуратно вынесли их на улицу, развернулись и закрыли за собой дверь. Миша, хватая ртом воздух, приложил руку к сердцу и опустился на асфальт прямо посреди тротуара. Стали оста-

навливаться прохожие, в основном советовавшие меньше пить, но большинство спешило по своим делам, не обращая на происходящее никакого внимания. Таблетки валидола остались в кабинете, в кармане пиджака. Стояла удушливая июльская жара. Миша закрыл глаза от боли, пронзившей сердце, и почувствовал, как теряет сознание. Марина побежала в соседнюю дверь, где располагалась аптека, которая арендовала у них двести квадратных метров и ежемесячно приносила двадцать пять тысяч долларов чистого дохода. Владелец всегда вовремя и без задержек приносил аккуратно перетянутые банковские упаковки.

Дверь оказалась закрытой, сквозь стекло на Марину испуганно смотрели знакомые провизорши, которые боялись выйти из-за прилавка, потому что были блокированы сотрудниками охраны, нанятой новым директором. Она дернула дверь так, что все накладные ногти посыпались на асфальт. Незнакомый мужик за дверью жестами показывал ей, чтобы она убиралась. Марина схватила стоявшую рядом урну и, с усилием подняв ее, протаранила стеклянную витрину. Послышался звук бьющегося стекла, часть осколков попала ей на ноги, и на колготках расползлись следы от порезов. Из-за угла выскочили четыре парня в джинсах и спортивных куртках и начали избивать ее стальными прутьями. Она потеряла сознание после первого удара, который рассек ей кожу на затылке, – если бы не прическа, он мог бы быть смертельным. Остальные побои она уже не чувствовала. Толпа зевак мгновенно рассеялась, а через несколько секунд парни прыгнули в «жигули» пятой модели с ржавыми номерами и укатили в сторону области. Наряд милиции, прибывший почти сразу, вызвал скорую помощь и передал материалы дела дознавателю, который после опроса очевидцев квалифицировал действия Ивановой Марины Михайловны как хулиганство.

Через пару недель, выйдя из клиники, Миша принялся обивать пороги всевозможных учреждений. Он безрезультатно обзванивал своих знакомых, тех, кто, по его мнению, мог помочь ему восстановить справедливость. Наконец его вызвали к следователю в связи с делом о мошенничестве. Утром, собираясь на допрос, он радостно потирал руки и повторял про себя: «Есть еще порох в пороховницах» – и хвалил себя за то, что не пожадничал, а щедро раздавал припасенные на черный день пачки долларов, которые таки дождались своего часа. Ему было назначено на три, и он успел заехать в госпиталь, где лежала его дочь. Несмотря на тяжелые травмы, дело шло на поправку. Беспокоил только коленный сустав, но они решили долечивать его в Швейцарии. Миша просидел у нее чуть больше часа, рассказывая о том, как скоро все нормализуется, и обещал справедливость, мол, делу уже дали ход. Поинтересовался, какие фильмы привезти посмотреть, и уехал в бодром настроении духа.

Его неприятно удивила холодность следователя, пока тот вел с ним формальную беседу про семейное положение, судимости и прочее, но Миша успокаивал себя, что все так и должно быть в органах правопорядка. Первые же серьезные вопросы заставили его снова потянуться за валидолом. Оказалось, следователя как раз интересуют обстоятельства, при которых он стал обладателем своих долей в уставных капиталах ООО, владевших теперь уже спорной недвижимостью. Через пятнадцать минут его снова увезли в больницу.

* * *

Так бы все и осталось в цепких лапах основателя инвестиционной компании «Русский альянс» Игоря Низовцева, если бы у попрыгуньи-стрекозы Софьи Михайловны в числе многочисленных «муравьев», к помощи которых она беззастенчиво прибегала, как только вьюги и метели начинали подмораживать ее крылышки, не было бы одного загадочного персонажа. Они познакомились не так давно, года два назад до описываемых выше событий. Увидев Софью Михайловну в первый раз, Адам Магер принял ее за шлюшку из отеля и просто спросил сколько. Она была в компании двух подруг, таких же симпатичных и образованных представительниц обеспеченной прослойки «новых русских», как их окрестила народная молва. Они

любили, взяв билеты в Большой театр, снять номер в одном из ближайших отелей и в полном объеме почувствовать удовольствие от имперского шика столичного центра. В московской среде не принято наряжаться в театры и рестораны – исключение, наверное, составляет Большой и закрытые вечеринки реальной элиты. Но это уже совсем другая история.

Три грации, одетые в стиле пин-ап, вернувшись с недавно закончившегося спектакля, цедили через трубочки коктейли с мартини и оживленно обсуждали танцора, исполнявшего главную партию. Мускулистые ноги, позволявшие тому выпрыгивать все выше и выше и парить над сценой по мере усиления драматизма музыкального сопровождения, были одобрены без вопросов. Недоверие вызывал только гульфик: его размеры вызывали сомнения. Вопрос «Сколько?» от мужчины средних лет, немного полноватого, на вкус Софьи Михайловны, застал всех троих врасплох. Опешившая от такой бесцеремонности девушка, переглянувшись с подружками, решила принять вызов и назвать цифру, которая, не являясь совсем уж невыполнимой, все равно заставила бы нахального дядьку сконфузиться и понять свою ущербность. Ситуация приняла особо пикантный оборот, когда нахал с какой-то пугающей небрежностью достал из кармана пиджака туго стянутую пачку пятисотевровых банкнот и протянул ее Соне. Надо было как-то выкручиваться. Леля, самая неудачливая из троих в смысле количества богатых поклонников, первая попробовала пойти в контратаку.

– Мы не проститутки. Уберите ваши деньги, – сказала она как можно более независимым тоном.

– Договор дороже денег, – невозмутимо ответил мужчина, очевидно не собиравшийся ретироваться.

– Мы обсуждали длину яхты, которую собирались зафрахтовать для моего дня рождения. Простите нас, если вам показалось… – вступила в разговор Виктория, третья подруга, надеясь блеснуть своим интеллектом и познаниями в морском деле.

Соню насторожила активность ее товарок. Конечно, они не были проститутками, но и от монашеской схимы их отделяла бесконечность. Она посмотрела мужчине в глаза. В них не было насмешки, и женская интуиция подсказала ей, что это интересный человек. Оставалось сделать свое согласие красивым.

– Вы правы, договор дороже денег, но вы не дослушали меня до конца, – сказала Соня.

Она взяла со стола пятьдесят тысяч евро и держала их так, что было непонятно: хочет ли она их вернуть владельцу или положить в свою сумочку.

– Я бы хотела продолжить этот вечер в каком-нибудь модном ночном клубе какой-нибудь европейской столицы, скажем Амстердама. Да, и закажите чартер, иначе мы никуда не успеем, – продолжила она.

– Прошу меня простить, – заговорил мужчина, – за мое бесцеремонное вторжение в вашу компанию. Надеюсь, бутылка хорошего шампанского загладит мою вину.

Он сделал знак официанту и, когда тот подошел, сказал негромко несколько слов. Было видно, что его здесь знают и выполнят его заказ точно и без промедления. Затем он забрал у Сони пачку купюр, оставив без внимания торжествующие ухмылки двух весталок, слишком рано поверивших в одержанную ими победу.

– Это твоя сумочка? – спросил он девушку, указывая пальцем на изящный клатч, лежавший рядом с ней на диванчике. Не дожидаясь ответа, он положил в него деньги и галантно протянул ей руку. – Хорошего вечера, ангелочки, мы с вашей подружкой вынуждены откланяться. Кстати, мы так и не познакомились.

Мои близкие друзья привыкли обращаться ко мне Магер, но мне будет приятнее, если ты станешь звать меня Адам.

– Соня, – сказала она, вставая.

Они пошли к выходу, и несколько парней, сидевших за разными столиками, вскочили, поспешив выйти на улицу раньше Магера и его новой спутницы. Двое задержались, чтобы

открыть им двери. Замыкал процессию огромный шкаф, не переставая говоривший что-то в портативную радиостанцию. Садясь на заднее сиденье лимузина, Софья Михайловна была уверена, что сегодняшняя ночь закончится для нее в каком-нибудь съемном особняке на Пироговском водохранилище или, в случае склонности к экзотике, на которую намекало имя ее спутника, в каюте здоровенной и бессмысленной здесь, в порту пяти морей, яхте. Убежденность в фарсе всего происходящего не покидала ее, даже когда небольшой реактивный самолет, к трапу которого несколько минут назад подкатил их кортеж, взревев моторами, пополз к взлетной полосе.

– У меня нет с собой загранпаспорта, – весело воскликнула она, беря со столика бокал с шампанским, только что услужливо налитым стюардом.

Сидя в кресле из кремово-белой кожи, она мастерски расположила край своего платья на pussy level[7], при этом не демонстрируя ни миллиметра своих трусиков. Заявлением об отсутствии необходимых документов, связанных с прохождением неизбежных формальностей, она оставляла ему последний шанс встать в общий строй страдальцев за ее неповторимость и, возможно, даже благосклонность.

– Мы только туда и обратно, – ответил ей Магер и, будто прочитав ее мысли, весело рассмеялся.

Утром или, правильнее сказать, в середине дня Соня проснулась в номере отеля «Краснопольский». Из окна была видна центральная площадь города, а во рту чувствовалась пергаментная сухость от выкуренной за ночь травы. Как в постели, так и в номере, кроме нее, никого не находилось. Попробовав восстановить в памяти эту ночь, она засомневалась, был ли у нее секс с ее новым знакомым. По внешним признакам ничего не случилось, хотя гарантии на сто процентов она дать не могла. После проверки сумочки, лежавшей на прикроватной тумбочке, и обнаружения пачки денег вместе со всякой ерундой типа помады и пудреницы к ней вернулся свойственный ей пофигизм, и она даже не расстроилась, заметив, что мобильник давно отключился из-за севшей батареи. Горячая ванна в сочетании с контрастным душем быстро вернули молодое здоровое тело к жизни. Промокнувшись полотенцем и накрутив его же на мокрую голову в форме восточного тюрбана, она стояла возле окна и грызла зеленое яблоко, найденное возле мини-бара. В Голландии не принято задергивать занавески, если не хочешь быть обвиненным в колдовстве, – эта средневековая заповедь установилась здесь с тех времен, когда бравые солдаты испанского наместника герцога Альбы тащили за волосы на костер женщин и девушек, обвиненных в этом злодействе. Впрочем, в данном случае Софье Михайловне просто было лень надевать на себя халат или задергивать шторы. Стесняться ей было, бесспорно, нечего, и те счастливцы, которым довелось рассмотреть очертания женской фигуры, размытой за каплями дождя, еще долго вспоминали чудесное видение, открывшееся им в самом сердце столицы Королевства Нидерландов.

Сухой щелчок электрического замка входной двери сообщил ей о том, что с этого момента она уже не одна в номере. Отложив недоеденное яблоко в сторону, она повернулась к вошедшему и, заметив смущение в глазах Адама, завернулась в полотенце, оставив все еще мокрые волосы досыхать естественным путем.

– Привет, зачем ты оставил меня одну? Я могла испугаться! – сказала она ему приветливым тоном, стараясь выразить благодарность за пробуждение в приятной обстановке.

– Вчера мне показалось, что вы барышня не из пугливых, – добродушно проворчал он в ответ и, подойдя ближе, аккуратно поцеловал ее в краешек сухих губ.

После этого едва заметного прикосновения она отбросила все сомнения насчет вчерашнего и почувствовала, как краснеет. Это случалось с ней крайне редко – наверное, все разы можно было легко пересчитать по пальцам одной руки. Секс вчера был, а она не могла ничего

[7] Очень коротко (*англ.*).

вспомнить, а значит, ее выступление было так себе, без импровизаций и вдохновения. Ее использовали как манекен, как тушку, и она может считать себя в расчете с этим Чудовищем, как Соня немедленно стала именовать его в своих мыслях.

– Выйди, мне надо одеться, – не глядя на Адама, сказала она.

– Хорошо, жду внизу, в лобби. Мои друзья пригласили нас на прогулку. Прокатимся на катере по каналам, посмотрим архитектуру. Очень красиво, – почувствовав внезапно изменившееся настроение девушки, Магер говорил скороговоркой, одновременно стараясь понять причины такой резкой перемены настроения.

– Я не хочу никуда ехать, я устала. Отвези меня домой, – протараторила она свою беспроигрышную формулу-заготовку для умников, считавших, что такой пустяк, как ночь, проведенная под одной крышей, может послужить поводом для возникновения каких-либо прав на ее внимание.

Одной рукой придерживая узел полотенца у себя на груди, она, не дожидаясь ответа, подхватила платье, колготки и нижнее белье, лежавшие на кресле. Проскользнув мимо опешившего от такого поворота событий Адама, девушка закрылась в ванной комнате, включила холодную воду, присела на краешек мраморной ванны и принялась разглядывать свою ненакрашенную, но не ставшую от этого менее привлекательной мордашку. Первый всплеск желания покапризничать прошел, и при всей своей взбалмошности и пресыщенности мужским вниманием она не могла не признаться самой себе во влечении к этому человеку. Три легких постукивания по деревянной двери вернули Софью Михайловну в реальность.

– Ты же не собираешься нарядиться днем в вечернее платье? – раздался снаружи голос Адама, как только она закрыла кран и шум падающей воды прекратился.

– Мне нечего больше надеть. Ты же не выставишь меня из номера голышом? – ответила она примирительным тоном, продолжая мило улыбаться своему отражению в зеркале.

– Я принес тебе одежду твоего размера, как раз для прогулки на яхте.

– Хорошо, оставь все в гостиной и, если твои друзья не торопыги, можешь подождать меня внизу.

Услышав, как захлопнулась входная дверь, она вернулась в номер, разложила на постели принесенные Адамом вещи и выбрала джинсы и теплый свитер. Через час они стояли на верхней палубе небольшой яхты, которой управлял капитан из местных. Друзья Магера оказались то ли голландцами, то ли бельгийцами, и Соня, устав прислушиваться к разговорам, в которых не могла понять ни слова, просто наслаждалась свежим воздухом и бесконечной вереницей красивых домиков, проплывавших навстречу их движению.

Вечером в ресторане, когда они наконец остались одни, девушка ждала, когда Адам начнет рассказывать ей смешные истории из своего детства или юности. Так обычно поступали все ее кавалеры, получившие право на ужин при свечах. К Сониному небывалому удивлению, ничего подобного не случилось. Магер был немногословен, больше интересовался ее историей, расспрашивал о родителях и планах на будущее.

Я чувствую себя неуютно в чужой стране без паспорта, – поняв, что пора подводить итоги их спонтанному вояжу, промолвила она наконец.

Ну какой-то у тебя все же имеется, – Магер достал из внутреннего кармана пиджака паспорт гражданина Израиля и протянул ей. – Для путешествия регулярными авиалиниями не подойдет, к сожалению, а вот с частным самолетом такие фокусы вполне себе проходят.

Дождавшись, пока Соня пролистает все страницы и презрительно фыркнет, посмотрев на свою весьма кривую фотку, он забрал паспорт у нее из рук и положил его обратно.

Кто у тебя фотограф? Я вроде не позировала? – спросила она, не зная, как реагировать на увиденное, и спрашивая себя, какие еще снимки или видеозаписи теперь есть у этого мужчины, о деятельности которого она не имела ни малейшего понятия.

Когда ты объявила, что хочешь на дискотеку в Амстердам, а потом выяснилось, что у тебя нет паспорта, я воспользовался своими возможностями и взял ситуацию под контроль. Вот и все. Других твоих изображений у меня не осталось, ну разве только здесь, – он рассмеялся и постучал пальцем себе по виску.

Придется поверить тебе на слово. А когда мы возвращаемся в Москву?

Могу доставить тебя к самолету сразу после десерта. Мне надо остаться здесь еще на несколько дней – боюсь, я не смогу уделять тебе достаточно времени. Скоро я закончу одно дело, и, если ты не против, мы можем спланировать путешествие на острова, например в Тихом океане. Я никогда не был на Таити, – добавил Адам.

Я тоже, но я почти всегда на Кипре, меня уже тошнит от моря. Закончишь дела, пригласи меня в Париж. Ты знаешь, мы, русские, любим этот город, – почти приказала она и продолжила после секундной паузы: – Сегодня обойдемся без десерта, отвези меня на аэродром Магер посмотрел на часы. Окликнув проходившего мимо официанта, он попросил счет. Соня, воспользовавшись заминкой в разговоре, отправилась в уборную поправить макияж. Посмотрев ей вслед, он еще раз с удовольствием оценил природную элегантность ее фигуры. Ему даже захотелось поуговаривать Соню остаться здесь с ним, но, помня неприязнь его ключевого партнера к любому появлению на горизонте женской юбки в момент подготовки к сделке, он погасил в себе этот порыв.

На момент их встречи Адам Магер разменял пятый десяток, свободно говорил на нескольких европейских языках, включая идиш. Большая часть его европейских партнеров считали его выходцем из Израиля и за глаза называли его не иначе как хасидом из Тель-Авива. Его истинного background[8]не знал никто, кроме человека, встречу с которым он искал уже более полугода и которая и послужила поводом его прилета в Россию три дня тому назад. Эта встреча закончилась вялым обещанием подумать и дать ответ, как выразился нужный человек, в ближайшие дни. В отличие от Магера, этот человек не был богат, скорее наоборот. При этом никто лучше него не разбирался в хитроумных сейфовых замках. Согласие поработать вместе неожиданно пришло утром, и в это самое время чартер, отправленный за спецом, был уже на подлете к Схипхолу. Еще раз сверив время, он рассчитался и после возвращения своей новой подруги вышел с ней под руку к ожидавшему его такси.

Такая перемена в демонстрации достатка и роскоши немного смутили Соню, и Адам поспешил объяснить ей, что здесь, в Европе, такие проявления, как presumptuous consumption[9], не вызывают одобрения. На самом деле ему показалось более разумным отправить свой «мерседес» встречать человека, от которого во многом зависел успех многолетнего плана. Недаром в его подготовку уже было вбухано огромное количество времени и средств.

Приняв все меры предосторожности против нежелательного пересечения встречаемой и провожаемой персон, он со своей обычной изворотливостью легко добился желаемого результата. Поцеловав Соню на прощание в щечку возле трапа, по которому несколько минут назад спустился «мастер ключей», он поспешил на встречу с ним. Пламя азарта, охватившее Адама Магера в этой игре с топовыми ставками, словно кирасой прикрывало его от стрел Амура, которому ничего не оставалось, как разреветься, умостившись на Сониных коленках. Ангелок крепко обхватил нежную шею своими пухлыми ручонками, пока девушка с недоумением смотрела в иллюминатор на быстро удаляющуюся в сторону терминала аэропорта фигуру. В ее жизни это был первый мужчина, поступивший с ней так.

Следующая их встреча произошла через пару месяцев, почти в конце февраля две тысячи третьего года. На Кипре уже наступила весна и было тепло. Соня изнывала от скуки и решительно не знала, чем себя занять. Греки не вызывали у нее ничего, кроме страха, из-за воло-

[8] Происхождение (*англ.*).

[9] Показное потребление (*англ.*).

сатых рук и ног. Подруги звали ее на Мальдивы, а постоянные поклонники предлагали разного рода путешествия на круизных лайнерах или экстремальный туризм в виде покорения Джомолунгмы. Адам Магер объявился на острове в своем стиле, то есть неожиданно и без приглашения. Толкая тележку в Woolworth[10], она сначала не поверила своим глазам, увидев приближающегося к ней мужчину с широченной улыбкой и распростертыми объятиями.

– Ну так мы летим на Таити или в Париж? – спросил он ее после первых приветствий. – Ты закончил свои дела?

– Да, мой ангел. Не все, конечно, довольны результатом, но я ничего не могу поделать. Теперь некоторое время можно отдохнуть, и почему бы нам не провести это время вместе?

– Прекрасно, а то я немного заскучала. Может, сначала в Париж?

– Никаких проблем, Париж так Париж. Хотя говорят, что Вена еще более красивый город. Я остановился в отеле Four Seasons. Меня поселили в номер, принадлежащий султану Брунея. Договориться было непросто. Пару недель я планирую пожить здесь, а потом рванем путешествовать, ок?

Подробно объяснив диспозицию, Магер отобрал у нее тележку и покатил ее сам, словно совершая акт бытового самопожертвования. Отстояв вместе с ней очередь в кассу, он проводил ее до машины, и они условились встретиться вечером в китайском ресторане на минус первом этаже отеля.

К вечеру похолодало, и Соня, одевшись в стиле кэжуал шик, прихватила с собой куртку из кожи страуса. Спустившись вниз по лестнице, она с удивлением обнаружила его стоящим рядом с еще одной парой. Первым делом оценив конкурентные возможности девушки приблизительно ее возраста или, пожалуй, лет на пять помоложе, она мигом успокоилась, отнеся ту в разряд простушек из глухой провинции. Отвлекшись на потенциальную соперницу, она не сразу придала значение мужчине, с которым у Магера, очевидно, были давние и весьма запутанные отношения. Больше всего ее поразили его пальцы, сплошь покрытые татуировками воровских перстней. В том, что это наколки, сделанные в неволе, у нее не было ни малейшего сомнения.

Молоденькая спутница этого гражданина, совершенно не учитывая разделявшую их с Софьей Михайловной дистанцию, весь вечер приставала к ней с рассказами о том, какой белый песок в Айа-Напе, и вместо положенного в литературном русском языке «там» все время говорила «тама», при этом постоянно поправляя тоненькие лямки платья, с трудом вмещавшего ее грудь не менее чем пятого размера. Сторонница вежливости, толерантности и правил этикета, Сонечка растягивала губки в улыбке, максимально демонстрирующей интерес к этому потоку воспоминаний о вчерашних и позавчерашних событиях, так сильно впечатливших юную особу. На самом деле все ее внимание до последней капельки было приковано к обрывкам фраз, которыми обменивались сидящие напротив нее мужчины. Слова, вырванные из контекста общего смысла, который ей так и не удалось уловить, дали ей достаточно информации о том, с кем она собиралась провести ближайшие несколько месяцев, а может быть, и лет. Очевидная принадлежность обоих граждан к миру, исповедующему отличные от принятых в постиндустриальном обществе идеалы, не смутили ее ни на йоту. Софья Михайловна никогда не интересовалась, чем и как тот или иной из ее поклонников зарабатывает ей на подарки.

После ужина они с Адамом, попрощавшись с его друзьями, отправились прогуляться вдоль моря. Все складывалось как нельзя более удачно. Месячные недавно закончились, и, по ее расчетам, в ближайшие дни можно было не предохраняться.

«Сегодня я покажу ему небо в алмазах», – решила она для себя, справедливо посчитав, что подаренные полста тысяч евро отработаны не до конца.

---

[10] Австралийская сеть магазинов и супермаркетов.

Разговор про оплату последующих встреч и поездок она предусмотрительно решила отложить. Чувство такта никогда ей не изменяло, и меркантильность всегда оставалась на втором плане. Доподлинно неизвестно, каким привиделось небо Адаму в эту ночь. Что же касается Софьи Михайловны, то, едва распахнув ресницы и невольно прищуривая глаза от невесть как проникшего сквозь толстенные шторы солнечных лучей, она сразу обратила внимание на изящную шкатулку. Та была приоткрыта, и в центре на маленькой шелковой подушечке красовалось колечко из белого золота с камнем, переливавшимся мириадами цветов и оттенков от проникавшего в него света. Это примирило Сонину тонкую душевную организацию с грубой прозой бытия, и, повернувшись спиной к окну, она вздремнула еще немного.

Им всегда было классно вдвоем, но и он, и она ценили свою свободу еще дороже. Кроме того, Сонечка больше любила юг, а Магер – Северную и Центральную Европу, да и оставить свой беспокойный бизнес ему было никак нельзя. Они продолжали встречаться иногда чаще, иногда реже, не задавая друг другу лишних вопросов и не предъявляя никаких претензий. Совместная жизнь предполагала ведение какого-никакого совместного хозяйства, а быт казался ей пошлым и всегда тяготил ее.

Наверное, поэтому отец и сестра, не найдя в ней сочувствия к своему каторжному труду по сбору арендной платы, записали ее в разряд «непутевых» и относились к ней как к отрезанному ломтю. Когда Низовцев их обобрал, переписав доли в ООО «Восток» на «Русский альянс», никто даже не подумал ее оповестить. Конечно, можно сослаться на их бедственное положение и мыканье по больницам, но не это определило их нежелание ставить ее в известность. Они просто о ней забыли. Прошло больше месяца с того злополучного дня, когда в их офис ворвались люди в камуфляже. Денежные потоки после этого изменили свое направление, и однажды на счет Софьи Михайловны не упали ежемесячные выплаты, размер которых был утвержден на семейном совете. Она сразу заподозрила что-то неладное. Отношения с сестрой давно были натянутые. Уверенная в очередных кознях, предпринятых Мариной против нее, она позвонила отцу сначала на мобильный, а через некоторое время, отчаявшись слушать заунывное «Абонент недоступен», на городской в офис. Выслушав довольно грубый ответ, мол, Иванов здесь больше не работает, она стала набирать все известные ей номера, пока один из знакомых сотрудников папиной ооошки не ввел ее в курс дела.

Как ни ветрена была младшая Иванова, а цену деньгам прекрасно знала и отлично умела их считать. Никаких иллюзий по поводу возможности личным присутствием улучшить положение дел у нее не возникло, и покидать остров с его двумястами пятьюдесятью шестью солнечными днями в году она сочла глупым. Сонечка позвонила Адаму. Меньше чем через неделю Низовцев вошел в палату к Иванову в сопровождении заведующего кардиологическим отделением. Это был крупный мужчина лет сорока пяти с аккуратно подстриженной седой бородой-эспаньолкой и стетоскопом, заправленным в правый нагрудный карман зеленого халата оперирующего хирурга. Остановившись у кровати, доктор сообщил больному, что тот уже идет на поправку и некие люди, также желающие Михаилу скорейшего выздоровления, просят уделить несколько минут сопровождавшему его господину. Иванов до этого дня никогда не видел хозяина «Русского альянса» лично. В глазах московских буржуев, до смерти запуганных рассказами о жестокости штурмовой группы этого частного инвестора, Игорь Низовцев представлялся безжалостным завоевателем вроде Аттилы, предводителя гуннов. Более прозорливые рисовали в своем воображении образ хитроумного героя Троянской войны Одиссея. Когда тот назвался и перешел к предельно вежливым извинениям и обещаниям в ближайшее время восстановить статус-кво, Миша Иванов насторожился. Он отметил про себя, что в этот раз молва очень точно описала внешние качества этого проходимца. Вкрадчивый голос и какая-то двусмысленная, не вызывающая расположения к говорившему улыбка напомнили ему кадры из фильма, когда царь Итаки раскладывал мечи и луки перед переодетым в женскую одежду Ахиллесом. Однако, присмотревшись к подпухшему носу и синевато-лило-

вым кругам вокруг глаз, предательски вылезавшим за золотые дужки темных очков, он поверил в добросердечность намерений Низовцева-Одиссея. Через час были подписаны все официальные бумаги. На Мишин банковский счет поступили средства на лечение и компенсацию морального ущерба. Неведомая рука могущественного покровителя не скупилась на раздачу компенсаций, тем более все это методично извлекалось из кармана поверженного и раздавленного рейдера. Больше они не встречались, хотя еще почти полгода юристам пришлось утрясать возникшие нестыковки.

* * *

Тогда создатель «Русского альянса» действительно был напуган и готов на любые условия ради сохранения своей жизни. Все говорило о том, что с ним как с самостоятельным предпринимателем покончено. За все время своей инвестиционно-рейдерской деятельности Низовцев привык к тому, что все конфликты решались в милицейских кабинетах. Открывались и закрывались уголовные дела на собственников и акционеров, подписывались постановления на обыски и изъятие учредительных и бухгалтерских документов. Подкупленные им судьи из далеких региональных судов выдавали исполнительные листы, находясь от места спора за тысячи километров. После этого молодые хлопцы из забытых Богом городов и сел бескрайней страны, вооруженные арматурой или просто голыми кулаками, выкидывали на улицу неудачливых коммерсантов, переставших платить прикрывавшим их до сей поры преступным группировкам. Их, конечно, нельзя за это винить. К началу нулевых расплодилось слишком много граждан, напяливших малиновые пиджаки. Оплачивать их комфортную жизнь с банями, проститутками, подержанными бэхами и черка2ми, становилось слишком накладно. Вдобавок они сильно постарели и частенько на призыв съездить «разобраться» просили перебить «стрелу», ссылаясь на необходимость забрать внука или внучку из детского садика. К тому моменту, когда недоучившийся студент экономического вуза вместе со своими ближайшими друзьями и единомышленниками учредил «Русский альянс», людей, вышедших из мест не столь отдаленных, большая часть представителей бизнес-сословия пренебрежительно именовала синяками и полностью списала со счетов. Короче говоря, Игорь Низовцев никак не ожидал каких-либо проблем на своей территории, тем более с этой стороны.

Однажды вечером, вернувшись домой, как обычно, около полуночи, он обнаружил, а вернее, не обнаружил ни ценных вещей, ни долларов, ни рублей, исчезнувших из бог весть как открытого сейфа внушительных размеров. Потери были колоссальны. Но самым страшным была гнетущая атмосфера, витавшая по всей квартире. Обзвонив своих ближайших партнеров и аккуратно закрыв за собой дверь, он поспешил в свой загородный дом, где хранилось много нала и других ценностей в приблизительно таком же по размеру и уровню защиты сейфе. Все четверо прибыли туда почти одновременно и, заехав во двор через открытые дежурным охранником ворота, остановились на площадке перед темневшей в ночи трехэтажной громадиной. Все окна были закрыты, и мужик в камуфляже с сайгой наперевес уверял, что никуда не отлучался и все должно быть спокойно. Облегченно вздохнув и не ожидая подвоха, Низовцев распорядился запереть ворота. Один из его партнеров отобрал у охранника сайгу. Вежливо отстранив мужика в сторону, они поднялись по ступенькам широкой мраморной лестницы. Замки и дверь были закрыты, и через минуту все зашли в гостиную. Низовцев, не снимая ботинок, побежал на этаж, где находился последний бастион его надежды. Увы. Картина повторилась с пугающей точностью. Еще не представляя до конца глубины разверзающейся у него перед ногами пропасти, словно сумасшедший шаря взглядом по сторонам, он в момент приуныл и шаркающей, безвольной походкой пошел было обратно, когда снизу раздались вскрики и звуки быстро закончившейся борьбы. Наступила тишина. На долю секунды ему даже показалось, что в доме никого нет, но мягкие, крадущиеся шаги и поскрипывание деревянных ступеней винто-

вой лестницы подсказывали обратное. Паника, словно цунами захлестнувшая волю молодого человека, погнала его к окну, за занавески, но, услышав с улицы чей-то раскатистый хохот, он понял, что замечен и все кончено.

Сколько раз, сидя в своем рабочем кабинете, положив ноги в дорогих туфлях на край письменного стола, он и его друзья выслушивали рассказы бригадиров штурмовых групп, как те болгаркой вскрывали железные двери, за которыми в ужасе от предстоящей расправы прятались неудачники. Как правило, одновременно с этим пара его помощниц, длинноногих девиц в ультракоротких юбках, тут же на машинках пересчитывали стопки шуршащего нала, полученного от продажи очередного захваченного объекта. Всем присутствующим было приятно смаковать подробности издевательств, которым подвергались проигравшие бизнесмены. Красочно и цинично описывались физиологические подробности, особый восторг вызывали истории про мольбы о пощаде со стороны людей, от животного страха потерявших чувство собственного достоинства. Такого ни с кем из хозяев «Русского альянса» случиться, конечно, не могло. Они были из другого теста. Четкие пацаны. Длинноногие секретарши, перематывавшие цветными резинками пачки денег, знали об этом по собственному опыту… Девочкам повезло, что их не было в тот вечер в загородном доме Низовцева.

Получив несколько хороших зуботычин, Игорек предстал перед каким-то сутулым парнем, разглядывавшим его с неподдельным интересом. Не удосужившись представиться, он объявил ему, что жрать в одну харю западло и все забранное у него поступит в общак.

– Но это не все, касатик. Миша Иванов, он мой батрак. Оформи возврат, срок до конца недели. Избегай штрафов. И еще, после того как исполнишь, с тобой встретится наш старший. Понравишься – даст вандаж на работу, – закончил блатной свою короткую речь, не заботясь, видимо, об ответной реакции стоявшего перед ним Низовцева.

Прошло несколько дней после посещения им больничной палаты Миши Иванова и начала процесса по возврату неудачно спиленных активов. Звонок, которого он ждал с непонятным чувством, точно идентифицировать которое у него не получалось, раздался в середине дня. Голос звонившего он узнал сразу и даже не удивился этой манере не здороваться и не представляться. Человек просто сообщил, куда и во сколько ему следует прибыть. Так он попал в сферу влияния Адама Магера.

Подумав и поразмыслив, тот, в свою очередь, оценил хватку и умение вести дела тогда еще совсем молодого паренька. Игорю Низовцеву в ту пору было всего двадцать восемь лет. При этом он сумел собрать команду из профессионалов своего дела и завладеть огромными площадями, часть из которых выгодно продал, а часть сдавал под ретейл. Внешне смирившись со своей участью, Низовцев демонстрировал покорность. Хотя такой пессимистически-мрачный тон описания его положения не совсем соответствовал действительности. Поговорив с ним по душам и обнаружив немало общего в мировоззрении и морали, новый босс оставил ему определенную свободу в делах, и его доходы на пару порядков превышали любые самые смелые фантазии офисного клерка. Связи и уровень проникновения практически во все значимые институты социума группировки, управляемой Адамом Магером, были настолько же существенны, насколько незаметны не включенным в эту сеть индивидуумам. На каждом этаже власти у него находились люди, не просто знакомые по совместному хобби; каждый из членов этой организации отдавал себе отчет в конечной цели любого проводимого им действия. В лицемерных заявлениях связанных с ним чиновников ложь и правда перемешивались в некую золотоносную сыворотку, позволявшую красть всегда и везде, перепродавать краденое и при этом зарабатывать еще больше, умудряясь и здесь облапошить государственную машину, кратно завышая цены и занижая стандарты качества. Междусобойчики, разыгрываемые на бесчисленных конкурсах, плодивших тонны бумаги и гигабайты мусора на цифровых носителях, проходили на ура.

После нескольких безуспешных попыток внедрить Игоря Низовцева в правоохранительные структуры Магеру удалось продвинуть его в корпорацию к Хайруллину на хорошую должность. Такая комбинация потребовала некоторых уступок в других вопросах, но Магер, будучи уверенным в его лояльности и готовности выводить любые суммы денег на зарубежные счета, не поскупился на разменный фонд.

Место заместителя генерального директора в корпорации Хайруллина должно было стать для него трамплином. Подсидеть и слить старого самодура можно было года за два, а если очень постараться, то и побыстрее. После стольких успешных внедрений в трудовые коллективы намеченных им в качестве цели предприятий в голове у Низовцева размещалась своеобразная ЭВМ, способная в кратчайшее время пересчитывать параметры многомерной матрицы и выдавать точнейший результат. Все болевые точки, нестыковки, лидеры противоборствующих стаек, тянущих одеяло на свою сторону, и, конечно же, люди, составляющие реальную опору Хайруллину, помещались им в установленные для них ячейки этого полимерного творения, созданного и бесперебойно функционирующего благодаря его неординарным способностям. За годы, прошедшие с того дня, когда он впервые переступил порог этой могущественной корпорации, коррекции подверглось немало переменных. Сам Низовцев, получив место коммерческого директора, находился в полушаге от того, чтобы войти в ареопаг приближенных к Хайруллину выдвиженцев, составлявших костяк группы, купавшейся в деньгах. Как нередко случается, причиной первой размолвки стала секретарша – cherche la femme[11], как говорят французы. Самое неприятное было то, что, черной кошкой пробежав между ним и генеральным, Лена не досталась ни тому ни другому.

* * *

Прошло уже несколько лет с тех пор, как она покинула Новосибирск. С той, прошлой жизнью, сначала похожей на сказку, а потом на кошмар из-за приступов неконтролируемой ревности со стороны человека старше ее на пару десятков лет, Лена распрощалась навсегда. После развода ее бывший муж, с необычной для себя щедростью, обеспечил Лену всем необходимым для уютного переезда. Поводом проявления такого бескорыстия для Петра Алексеевича Гангарта послужил банальный факт отказа его бывшей супруги от любых претензий на его пакеты акций в прибыльных компаниях, разбросанных по всему миру. Воспользовавшись ее страстным желанием разойтись, он вместе со сворой адвокатов и ручным нотариусом обделал все дело к своей выгоде настолько, что ему пришлось скрывать от общества неожиданно нахлынувшую радость. Все предшествующие разводу события представлялись его друзьям и знакомым как череда Лениных измен и распутства. Некоторые нестыковки, особенно в части невозможности показать пальцем ни на одного из любовников, Гангарт обходил пренебрежительно, отмахиваясь своей пухлой ладошкой от нескромных и бередящих раны в его душе вопросов. Поверить во все это было совсем нетрудно. Девушка была молода, и ее незаурядная внешность, способная притягивать к себе не только взгляды, но и разбивать сердца, подливала масла в огонь нелюбви со стороны всех без исключения жен друзей Петра Алексеевича. В большинстве своем сорокалетние дамы, имеющие достаточно средств и времени для ежедневных посещений спа с массажами и косметологами, они с энтузиазмом принялись обсуждать и осуждать молоденькую «профурсетку». В это же самое время мужчины, деля подряды и откаты в своих скромных кабинетах чиновников провинциального калибра, называли Гангарта дураком и клялись друг другу, что они бы такую женщину, как Лена, не упустили.

Сама виновница такой популярности, наконец вздохнув свободно после трех сумрачных лет замужества, должна была решить экзистенциальную проблему переезда. Перед ней откры-

[11] Ищите женщину (*фр.*).

лась тысяча дорог. Париж, Лондон, Нью-Йорк. Ей удалось уговорить свою подругу по университету прокатиться с ней по Европе. Шик отелей и приветливый персонал туристических мест притягивал, словно магнит. Две недели обошлись им в несколько тысяч евро, и при этом без особых излишеств. Конечно, они не остались без внимания любивших «сладенькое» европейских мужчин. Все они были банкирами и бизнесменами, а джинсы и мятые майки носили исключительно из сочувствия к природе. Точку на планах остаться в Европе насовсем поставил совсем уж смешной инцидент, произошедший с ними в Барселоне. Два парня, прицепившиеся к ним на Рамбле[12], сначала пригласили их в какое-то занюханное кафе, а потом попросили рассчитаться с ними за оказанные эскорт-услуги. Единственным ценным знанием, привезенным из этой поездки, Лене показалась поговорка Barcelona bona cuando bolsa sona[13].

В сухом остатке выбор для русских девушек там оказывался не слишком обширен: если симпатичная, то есть шанс выйти замуж за истеричного домашнего абьюзера, остановившего свой выбор на славянке из-за их привычки к бесправию. Если к вышеуказанному качеству добавить отсутствие комплексов, то можно в ночной клуб танцовщицей. Ну а если с внешними данными не все в порядке, то уборка или, при хорошем знании языка, продавец в магазине для общения с соотечественниками. Все это показалось Лене неприемлемым, по крайней мере на текущем этапе ее жизни. Вернувшись в Россию и выйдя из автоматических дверей шереметьевского терминала, вдохнув московский воздух, сибирячка с доставшейся от мужа немецкой фамилией определилась с выбором города. Теперь оставалось правильно трудоустроиться, избегая пересудов и кривотолков, всегда возникающих в таких случаях.

«Целомудренна та, которую никто не пожелал»[14], – повторяла она про себя на собеседовании с Паулиной Фроловной, когда та начала расспрашивать о причинах развода.

Говоря по правде, все давно было решено совсем на другом уровне, и оставшиеся формальности скорее забавляли Лену, чем пугали. В дальнейшем она больше делала вид, чем по-настоящему внимательно выслушивала нудные наставления старой девы, могущество которой никто из многочисленных сотрудников корпорации не собирался оспаривать. Все они прекрасно понимали, что Паулина Фроловна живет на одну зарплату и по большому счету не может позволить себе даже такую мелочь, как лишняя пара французских колготок.

Сегодня Лену можно было назвать счастливой обладательницей двушки в новом доме с подземным паркингом и припаркованным в нем «мини-купером» – приемистой машинкой с отличным дизайном и не слишком прожорливым движком. Она могла бы и не работать: многие из тех, кто заглядывал к ним в приемную, был бы счастлив взять ее на содержание и оплачивать девичьи капризы. Страна была на подъеме, а в самой корпорации, руководимой железной рукой Ильяса Валентиновича, многие просто перестали считать свои доходы, поручив это частным бухгалтерам, рекрутируемым для такой ответственной и щепетильной миссии из числа дальних родственников бенефициаров.

Пару лет назад Лена познакомилась с Земцовым, человеком, связь с которым сохранилась у нее по сей день. Это были счастливые, невинные времена, когда слово «харассмент» не было известно широкой публике, а уж обижаться на шлепок по попке от проходящего мимо шефа и вообще считалось дурным тоном. В тот день, сидя за письменным столом и бойко барабаня по клавишам пишущей машинки, она с удивлением заметила мужчину, направившегося прямиком в кабинет Хайруллина. Это было необычно и не укладывалось в установленные каноны. Посетители, покорно ожидавшие вызова в приемной, где безраздельно царствовала Паулина Фроловна, перестали шептаться и в каком-то оцепенении переводили взгляды с незнакомца на саму Паулину Фроловну в ожидании ее реакции. Стук клавиш показался всем

[12] Одна из главных туристических улиц Барселоны.

[13] Барселона хороша, если кошелек полон (*катал.*).

[14] «Casta est, quam memo rogavit» – крылатое латинское выражение.

присутствующим настолько громким, что Лена, вникнув в необычность ситуации, прекратила печатать. В этот момент дверь кабинета распахнулась и на пороге показался сам Ильяс Валентинович с протянутой для приветствия рукой и обворожительной улыбкой, открывающей пару золотых коронок, обычно недоступных для обозрения.

Как только сцена радушного гостеприимства подошла к концу, девушка продолжила свой труд, а Паулина Фроловна, строгим взглядом осмотрев ожидающих, сосредоточилась на панели с телефонными трубками, очевидно ожидая важных указаний. Время замерло. Ничего не происходило довольно долго, и особенно ушлые из просителей и толкачей, поняв, что зря тратят время и получить какие-либо преференции сегодня не удастся, начали вежливо откланиваться. Наконец дверь снова открылась, и единственное, что удалось услышать немногим оставшимся, было: «Провожать меня не надо». Таинственный посетитель остановился перед столом Лены и, не обращая внимания на плебс, сказал ей пару дежурных комплиментов, затем, мельком глянув на наручные часы, спросил, где она живет, и, не дождавшись ответа, предложил подвезти до дома.

Она почувствовала себя полуобнаженной невольницей на рабовладельческом рынке. Паулина Фроловна, не отрывая взгляда от каких-то вздорных приказов, ожидающих своего часа к исполнению, едва заметными движениями головы вправо-влево подавала сигналы к недопустимости принятия предложения. Небезосновательно предположив, что та блюдет ее невинность в интересах большого шефа, который давно и безуспешно пытался всеми правдами и неправдами затащить Лену в постель, она приняла это предложение. Чувствуя взгляды, скользящие по ее фигуре и придирчиво оценивающие ее «интеллект», она прошла к шкафчику, накинула демисезонное пальтишко и, не попрощавшись, выпорхнула за дверь в сопровождении своего нового поклонника.

Будь Хайруллин помоложе, а Низовцев не столь прагматичен, ситуация могла бы стать неконтролируемой. Начало проблем в карьере Низовцева и явное торможение в приближении по-настоящему райских времен он почувствовал еще весной на бельгийской выставке. В душе он проклинал эту Гангарт из-за подозрений, которые в мятущемся сознании раз за разом отвергаемого Хайруллина падали именно на него. Лена интересовала его не больше, чем любой другой источник дополнительных сведений о происходящем в делопроизводстве, о готовящихся приказах и распоряжениях. Покупать ее лояльность ценой своих отношений с генеральным директором Игорь Низовцев был не готов. К сожалению, даже разумным мужчинам не всегда возможно объясниться, особенно если твоему сопернику плотно за шестьдесят и он, как племенной бык, перестает соображать и, вместо того чтобы успокоиться, тычет рогами даже в ни в чем не повинных лошадей[15].

Привыкший перетасовывать людей, словно карты в колоде, Низовцев до последнего не оставлял надежды на урегулирование этого конфликта. Тогда, в Бельгии, он готов был пойти так далеко, что просчитывал возможность поговорить с Гангарт в приватной обстановке и предложить ей хорошие деньги за ее благосклонность к Хайруллину. К несчастью, все его попытки приблизиться и переговорить были истолкованы как личная заинтересованность. Другие девушки-переводчицы, включенные в делегацию, сумели в своих фантазиях придать необходимую яркость не происходившим на самом деле событиям. Когда Лена Гангарт укатила в отель с американцем, только что пытавшимся навязать им свое оборудование, Низовцев понял, что все кончено и этого ему не простят, теперь уже не как сопернику, а скорее как свидетелю. Тогда он и принял решение выйти из игры. Контракт, предложенный его корпорации американцами Траутвайном и Фишером, был достаточно крупным, денег, если их отправить

[15] По правилам испанской корриды пикадор должен стоять за пределами двух специально очерченных кругов. Если бык не побежит на лошадь, он останется жив. Но он бежит. Генерал Франко издал распоряжение надевать на лошадь кольчугу. До этого в каждой корриде погибало до тридцати лошадей.

на правильные счета, могло хватить на пару шикарных жизней, и Низовцев принялся за реализацию плана с удвоенной энергией.

Первым делом ему пришлось связаться с Гансом Гофманом, незаменимым человеком в деле банковских проводок по офшорным схемам. Официально это делалось под предлогом оптимизации налогообложения. Она рассчитывалась элементарно. Низовцев приходил в кабинет финансового директора, человека с безукоризненной репутацией и видом вегетарианца. После обычных приветствий, продолжая жаловаться на пробки и дороговизну работ в автосервисе, он клал на стол листок бумаги с расчетами выгоды от той или иной схемы. Итоговое сальдо обычно равнялось семи- или шестизначным цифрам. Финансист морщил лоб и, крутя ручку с золотым пером, писал чуть ниже еще одну цифру, обычно составлявшую три четверти от исходной, – это была доля Хайруллина и, возможно, того самого Земцова, курировавшего их корпорацию. Дальше все шло как по маслу. С платежами его никогда не торопили, такие вопросы просто не принято было задавать и обсуждать. Каждый прекрасно понимал свою ответственность и последствия неточного исполнения обязательств.

Сегодня после еженедельного совещания, стоя с чашкой черного кофе в руке, Низовцев смотрел в окно своего кабинета, перебирая всевозможные сценарии дальнейшего развития придуманной им финансовой комбинации. За время, прошедшее после неудачи с Ивановым, прошло много лет. Он стал осторожен и подозрителен. Но самым неприятным для него стало открытие, что ему не хватает Магера! Это чувство неожиданно ударило по самолюбию: он почти год праздновал исчезновение блатных из своей жизни. Они пропали с его горизонта так же неожиданно, как и появились. Сначала Низовцев был очень доволен таким поворотом. Вновь обретенная независимость оказалась настолько сладкой, что в первые несколько месяцев он выпил больше водки, чем за всю предыдущую жизнь. Это был по-настоящему праздничный период. Средства, оказавшиеся у него в распоряжении, плюс накопления, собранные за годы успешного рейдерства, сделали Игоря желанным гостем во всех самых модных и дорогих клубах. Конечно, его нельзя было причислить к по-настоящему богатым представителям московской тусовки. Юные отпрыски долларовых миллиардеров считали Низовцева стариком и принимали дружбу только в виде услуг и уступок, категорически не оставляя для него места в высшем свете. Литры водки и обретенная свобода позволяли ему этого не замечать.

Как-то раз он проснулся посреди ночи в каком-то подозрительном пентхаусе и долго бродил по огромному залу, в котором из всей мебели была только кровать. На ней, раскинувшись морской звездой, безмятежно посапывала огромная афроамериканка. Панорамные окна без занавесок наполняли пространство ледяным серебром предрассветного сумрака. Не найдя своей одежды, Игорь намотал вокруг бедер валявшуюся на полу простыню и неуверенной походкой направился к стеклянной лестнице, спускавшейся откуда-то сверху. Ему хотелось вспомнить, как он сюда попал и был ли у него секс. Запоздалое предупреждение о неизлечимости ВИЧ-инфекции взорвалось у него в голове, причиняя неописуемые страдания, удесятеряемые страшным похмельем. Обойдя всю тысячу квадратных метров и не встретив ни единой живой души, он немного успокоился. Единственной проблемой было полное отсутствие его одежды и похмельная амнезия. Отсутствие средств связи с внешним миром подчеркивало нелепость происходящего. Спустившись обратно, он присел на краешек кровати и с любопытством принялся разглядывать представительницу другой расы. Девушка была по-своему красива, даже чрезмерно мощные ягодицы почти не портили общего впечатления. Будить или не будить? Вопрос сейчас состоял именно в этом. Все за и против неоспоримыми аргументами чередовались в голове Низовцева. «Что благородней духом? Свалить отсюда побыстрее и не испытывать судьбу?» – перевод Гамлета в исполнении Пастернака всегда казался ему наиболее поэтичным, тем не менее, учитывая непосредственные обстоятельства, он решился на некоторую вольность в его изложении. Женской одежды, как и его собственной, нигде не наблюдалось. Девушка, скорее всего, была такой же жертвой злой и нелепой шутки, как и он сам. За

окном почти рассвело, и последняя звезда исчезла, уступив место кроваво-оранжевой полосе солнечного света, словно бритвой разрезавшей всю линию горизонта.

«Окна выходят на восток… Где я это слышал?» – спрашивал он себя, обхватив голову двумя руками и монотонно покачиваясь из стороны в сторону.

«Подонок Сивцов!» – догадался Низовцев и дальше уже не волновался.

Саша Сивцов был совсем молодой балбес, сын одного московского тайкуна[16]. Совсем недавно он хвастался, как они с парочкой таких же обормотов устроили кастинг молоденьких девиц на должность секретаря. За неимением собственного офиса они провели его в пентхаусе, который компания его отца давно и безуспешно пыталась продать. Все детали планировки в точности совпадали с описанием двухэтажной западни для провинциальных дурочек в передаваемых из уст в уста историях о том, как повеселились Саня Сивцов и его друзья… Мозги рейдера работают не совсем так, как у остальных людей. Это неоспоримый факт. Не прошло и трех минут, как план по отжатию пенты был сформирован и утвержден. Правда, не очень хотелось делиться барышами с продолжавшей посапывать рядом женщиной, но такие меркантильные вопросы, как правило, откладывались им на потом и решались всегда с выгодой для себя.

Этот случай стал поворотным моментом, после которого Игорь вернулся в строй немного постаревшим и, как следствие, более осторожным человеком. С пентхаусом все прошло как по маслу: когда разъяренный папаша в окружении охраны прибыл на разборки, его встретил немолодой уже адвокат в очках и с бабочкой. Его клиентка, нубийка по происхождению и россиянка по паспорту, предъявила бумаги, прошедшие все необходимые процедуры регистрации. Расчет, произведенный в наличных долларах между ней и Сашей Сивцовым, вызывал определенные сомнения, но к этому моменту на несчастного юношу свалилось столько невзгод, что старший Сивцов, почувствовав запах жареного, предпочел отступить.

Схема Низовцева была проста и изящна: купив за копейки персональные данные у охраны здания, он собрал пул из нескольких десятков девиц, готовых предъявить обвинения веселой компании молодых пижонов, пригласивших их на кастинг и вымутивших в итоге бесплатный секс. Достичь договоренностей с девицами, опасавшимися мщения со стороны богатеев, стоило несколько дороже, чем все остальные манипуляции, но вырученные деньги от продажи отжатого имущества на несколько порядков превысили вложения.

Недвижимость, недвижимость. Старый добрый квартирный вопрос. Как ни гнал Игорь от себя эту мысль, раз за разом ведущую к Магеру, другого способа разрулить все более запутывающуюся ситуацию с брюссельским контрактом и дать защиту от молоха, готового его раздавить, он придумать не мог. Звонить Иванову сейчас казалось особенно неприятным. Все, отмеченное у него «Русским альянсом», пришлось вернуть и заплатить неустойки и компенсации. По любым понятиям это было неправильно. Его команда играла честно, если можно применить такое слово к имущественным вопросам. В первой половине нулевых позиции криминальных авторитетов сильно пошатнулись. «Русский альянс» и схожие с ним инвесторы не разбирались, есть или нет бандитская крыша у их жертвы. Если посмотреть на проблему детально, эти инвестиционные компании скорее восстанавливали справедливость, смещая директоров, присвоивших себе право руководить предприятиями, не считаясь с интересами остальных акционеров. В более глобальном смысле именно их действия дали бизнесу толчок для выхода на белую отчетность и, как следствие, подтолкнули его владельцев к налоговым платежам. О существовании Софьи Михайловны Ивановой как связующего звена между самим Ивановым и наехавшей на него группировкой он не знал до сих пор. Ему просто никто не потрудился об этом сообщить. Да это сейчас и не имело особого значения. Сейчас ему нужен был Магер с его полным отсутствием пиетета перед чиновниками любого калибра. По его мнению, трех лет, прошедших с его исчезновения, было вполне достаточно для закрытия любых вопросов. Еще раз

[16] Tycoon – строительный магнат (*англ.*).

оценив все за и против, он скрепя сердце отложил трубку в сторону и не стал набирать номер Миши Иванова. В запасе была еще парочка банкиров, специализировавшихся на обнальных схемах. До окончания консультаций с ними Игорь Низовцев решил повременить.

* * *

Москва, Россия. Ноябрь 2012 года

Клубный дом, где жил Земцов, располагался недалеко от метро «Кропоткинская» – в новом модном районе старой Москвы. Добраться туда можно было как на такси, так и на метро. Лена посмотрела в окно: вся улица была забита автомобилями, чуть дальше красным светом горела буква М, и к ней с разных сторон тянулась нескончаемая цепочка людей, одетых в темные пуховики. Решив, что настроение можно испортить любым общественным транспортом, она решила пройтись пешком, тем более что расстояние между офисом корпорации и квартирой, где обитал один из небожителей, было совсем небольшим.

Назвать Виктора Павловича Земцова человеком средних лет можно было с большой натяжкой. По паспорту, да и по физиологическим процессам, протекающим в его организме, он стопроцентно попадал в категорию более преклонного возраста. Все это не мешало ему оставаться страстным ценителем женской красоты. Несмотря на свой возраст и отнюдь не сексапильную внешность, он почти никогда не опускался до услуг платного сектора такого вида утех. Нет, нет и нет. Виктор Павлович с усердием и сноровкой снежного барса выискивал себе добычу в подотчетных его ведомству учреждениях и организациях любых форм собственности. Как в седые времена, он увлекал за собой очередную наложницу из приемной проштрафившегося лиходея в обмен на индульгенцию и право еще год-другой оставаться на кормлении и по способностям, и по потребностям. Несколько лет назад он перешел с «Виагры» на прямые инъекции в свой многострадальный пенис. Сейчас, встречая Лену на пороге своей холостяцкой квартиры, он тревожно теребил короткий шприц, спрятанный в левом кармане его длинного махрового халата. Проводить эти манипуляции заранее он опасался, так как в последнее время девицы норовили ускользнуть из его объятий в самый последний момент, и в одиночестве ему нелегко было справиться с нахлынувшими чувствами.

Лена должна была занять в его жизни такое же место, как и множество других, но совершенно неожиданно для него их отношения не прервались и продолжали развиваться. При этом она не брала у него денег ни под каким предлогом. Конечно, были подарки, и довольно дорогие, но Земцов прекрасно понимал, что большинство девушек с ее внешностью, безусловно, попытались бы раскрутить его на нечто более существенное. Одним словом, он все сильнее привязывался к ней, прощая мелкие капризы и категорический отказ жить под одной крышей. Повесив пальто на вешалку, Лена прошла в гостиную, достала из сумки папку с бумагами и положила ее на стол. Вообще-то, старый донжуан имел правило не встречаться вот так запросто со своими подругами, если они сами звонили ему и предлагали срочно повидаться. Ничего хорошего это не сулило. Обменять услугу на услугу обычно не удавалось. Приходили просить за мужей, детей и более дальних родичей. Самым неприятным было, когда просили взаймы, ибо он знал заранее и наверняка, что при любом его решении это будет их последняя встреча. Лена была исключением. После их первого свидания многие даже стали шептаться, что право первой ночи вскоре будет совсем отменено и можно будет перестать прятать смазливеньких секретарш, заменяя их дорогущими эскортницами в дни визитов его сиятельства.

– Я пришла по делу, – выпалила она скороговоркой и, видя, как помрачнело его лицо, присела на краешек дивана, демонстрируя свои коленки, способные вернуть к жизни даже смертельно больного.

– Что это за документы? – принимая правила игры, вежливо поинтересовался Земцов.

– Это очень, очень ценные бумаги. Обещай выслушать меня внимательно, а потом мы займемся тем, зачем я пришла сюда на самом деле, я даже сама сделаю тебе этот маленький укольчик. – Лена потянулась за папкой.

«Укольчик, укольчик! Экая ты егоза», – подумал Виктор Павлович, все глубже погружаясь в изучение почти безукоризненной схемы казнокрадства.

– Ну, тут нечему особо удивляться, – сказал он, откладывая в сторону протокол совета директоров, окончательно утверждавший финансирование. – Это давно стало национальной идеей: зарабатывать здесь, а жить и растить свое потомство там. Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу того же, что и все. Вы же, Виктор Павлович, сами сейчас озвучили главную народную мотивацию.

Лена встала и, повернувшись к нему спиной, посмотрела в окно. Вельветовая юбка входившего в моду бренда Gainsbaree делала ее безукоризненную фигуру еще привлекательнее. Ее ступни, обтянутые прозрачными колготками, были, наверное, чуть крупнее, чем требовали каноны античного искусства, и именно это вкупе с тем, как она ставила их немного носками внутрь, сейчас, как, впрочем, и всегда, особенно заводило государственного мужа.

– Судя по тому, что мне удалось прочитать между строк, Хайруллин в курсе, но не в доле? – спросил он, разыгрывая неподдельный интерес.

На самом деле единственное, что он чувствовал сейчас, было сожаление о том, что он разменял, возможно, последнюю любовь в погоне за новыми одалисками и теперь ему приходится увлекать Лену в постель давно опостылевшими ему ухищрениями.

– Этого я не могу знать, а любые догадки вносят в расчет недопустимые погрешности. – Лена говорила, глядя ему прямо в глаза.

В этом взгляде он прочитал приговор и смирился, поняв, что эта женщина ему не по возрасту. Стало абсолютно ясно, что ничего сегодня не будет. Единственный способ видеть ее хоть иногда вот так стоящей в его квартире без туфель с перекрещенными ступнями – просто сделать то, о чем она просит.

– Хорошо, я узнаю, кто стоит за этим, как его… Низовцевым. – Виктор Павлович на всякий случай сверился с листком бумаги. Он презирал сослуживцев, вечно забывающих и путающих фамилии и обстоятельства дел. О его педантичности ходили легенды.

– Спасибо, – ответила она, и взгляды их опять встретились.

– А теперь уходи. Мне будет чем заняться этим вечером. И помни: сегодня ты пришла по правильному адресу, покажи ты эти бумаги кому-то еще, и за твою жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша.

* * *

Выйдя из теплого подъезда, Лена пожалела, что, увлекшись разговором с Земцовым, позабыла попросить дать ей машину доехать обратно домой. К вечеру заметно похолодало, и ее стройные ноги в тонких колготках сразу почувствовали себя некомфортно. Она поспешила вверх по переулку, надеясь на Остоженке поймать попутку. Идти было неудобно, приходилось все время смотреть под ноги, выбирая место посуше в ядовито-бурой жиже, растекающейся под ногами. Сырой ветер с реки, разгоняясь порывами между рядами домов, все время менял свое направление, заставляя отворачиваться и прятать лицо в высоко поднятый воротник. Она начала злиться на себя и на него, да и сама идея привлечения Виктора Павловича в качестве партнера стала казаться ей необдуманной и поспешной. К счастью, ей навстречу, явно ища место, куда можно «воткнуться» для парковки, полз какой-то невзрачный автомобильчик. Сейчас Лена была рада любому месту, где не дует ветер и можно согреться. Сомнений в своих чарах у нее не было – и правда, стоило ей махнуть рукой, как водитель, ускорившись, лихо

тормознул рядом с ней и, дотянувшись до ручки передней двери, пригласил девушку сесть рядом с ним.

«Это фокус для фраеров», – вспомнила она бессмертную фразу капитана Алехина и, не говоря ни слова, плюхнулась на заднее сиденье, предоставив шустрому водиле самому исправлять свои ошибки и закрывать переднюю дверь.

Она назвала адрес. Ехать было недалеко, и молчание шофера Лену вполне устраивало. В машине она почти согрелась, и ее мысли снова вернулись к этому контракту, который, она была уверена, никто не собирался исполнять. Пользуясь привилегией доступа практически ко всем файлам, хранящимся на серверах, она, сверив счета компаний, используемых для так называемой оптимизации налогообложения, заметила некоторые расхождения. В целом это было объяснимо. Фирмы, используемые для таких целей, постоянно менялись. Они возникали, как миражи в пустыне, и исчезали, как Атлантида. Но сейчас что-то тревожное витало в атмосфере всей корпорации. Лена чувствовала это спинным мозгом. Все раздражало ее: Низовцев со своими шоколадками и прозрачными предложениями о создании дружеской коалиции; Хайруллин, смотревший на нее зверем из-за душившей его ревности к Земцову; Сморчок, исподтишка старающийся проникнуть взглядом в любой не прикрытый верхней одеждой закоулок ее тела. Одна лишь Паулина Фроловна день за днем с упорством рабочей пчелы раскладывала корреспонденцию по ячейкам с латунными литерами, указывающими их порядковые номера. Надо было решаться. Лена перешла Рубикон, собрав файлы в папку и отдав их Земцову. Сейчас она почти жалела об этом, видимо из-за невнимательности того к ней. Выставить девушку на улицу, не организовав подобающий транспорт, было настоящим моветоном. Придя в себя и немного успокоившись, она стала смотреть в окно. Машина была совсем простенькая, и кнопок обогрева задних сидений не наблюдалось.

– Вы не могли бы выключить радио? – попросила она, посмотрев в лицо водителя через зеркало заднего вида.

Он выполнил ее просьбу, не отрывая взгляда от дороги.

– Ты работаешь с Низовцевым?

Вопрос прозвучал неожиданно, и Лена сначала даже не поняла, что обращаются к ней.

– Что? Кто вы? Остановите машину! – Она попробовала открыть дверь, но ручка замка безжизненно болталась в руке, не производя никакого эффекта.

– Я его друг, просто потерял связь с ним, вот и все. – Человек говорил, не меняя интонацию, с безразличием глядя на Ленины попытки открыть дверь.

Она впервые встретилась с ним взглядом и в оцепенении прекратила попытки взять его на испуг.

– При чем здесь я? Вам дать его номер?

– Я спрашивал его номер?

– Что вам надо?

– Отвечай на вопрос.

– Ну раз у меня есть его номер, то, наверное, да, мы работаем вместе. Вы кто? – Лена, как все красивые женщины, никогда не боялась мужской агрессии.

– Передай этому касатику, что завтра я жду его у Красных ворот, в японском ресторане.

– Это все?

– Да.

– Как вы тут оказались? Вы следили за мной?

Они остановились возле ворот, закрывающих въезд во двор ее дома.

Повернувшись к ней всем корпусом и стараясь придать своему голосу и взгляду как можно больше теплоты – первый признак того, что ему не удалось избежать ее чар, – он ушел от прямого ответа, сказав всего пару ничего не значащих фраз:

– Не задавай мне вопросов сегодня. Если ты не возражаешь, мы встретимся еще раз, и у тебя будет время все узнать.

После этого он вышел из машины и, обойдя ее сзади, открыл дверь. Лена, не проронив ни слова, выскользнула на улицу. Ветер утих, и, приложив магнитный ключ к калитке, отгораживающей остальной город от территории, принадлежащей представителям up middle [17]класса, она прошла к подъезду по заботливо расчищенной плитке.

Дома современной постройки, позиционирующие себя как элитное жилье, имеют одну особенность в распределении пространства внутри квартиры. Современные технологии позволяют поместить ядро управления лифтами в самый центр здания, чего нельзя было сделать в блочных и панельных домах брежневской эпохи. Как результат, расстояние от внутренней стены до окон значительно увеличилось. И если это не пентхаус в тысячу квадратов, то существует угроза, что ваше жилище станет скорее похоже на пенал, чем на уютное гнездышко. Именно поэтому во всех таких домах делают по две ванные комнаты, с джакузи и душевой кабиной, не говоря уже об абсолютно бессмысленном биде. Обсуждая рабочий проект с дизайнером, такой же молодой девицей, креативность которой должны были подчеркнуть пирсинги, тусклым серебром поблескивавшие в ноздрях и на языке, Лене удалось уйти от стандартных решений и добиться компромисса, разделив восемнадцать метров площади, вызвавшей жаркие споры, на маленький гостевой туалет и довольно просторную гардеробную. В качестве компенсации девице с продырявленным лицом было позволено оторваться по полной, декорируя ванную комнату, совмещенную с хозяйской спальней. И это ей удалось.

Поднявшись на этаж и сбросив в прихожей сапоги, Лена почувствовала усталость и какую-то пустоту. Действительно, Земцов повел себя странно, не предложив ей машину из гаража. Слова же, сказанные ей человеком, появившимся из ниоткуда, и вовсе испортили ей настроение. Снимая на ходу одежду, она зашла в ванную. Взгляд невольно остановился на смесителе, исполненном в форме морской ракушки, изображенной на всех без исключения холстах, воспевающих рождение Афродиты. Она открыла кран и, сев на краешек ванны, трогала пальцами воду, чертя на ней кабалистические символы. Иногда она жалела, что не родилась ведьмой. Скорее всего, тогда бы ей было проще встречать невзгоды.

«И, наверное, ведьмы не знают усталости», – подумала она, оторвав взгляд от воды и глядя на свое отражение в огромном зеркале, занимавшем почти всю стену.

Каштановые в рыжину волосы непослушными локонами спадали ей на грудь, едва прикрывая соски. Она встала и, подняв руки, потянулась вверх как можно выше, привстав на цыпочки. Ей понравилось свое отражение, и это немного примирило Лену с реальностью. Оставив ванну наполняться, она прошлепала босыми ногами на кухню. Ей вдруг захотелось газировки, и, открыв холодильник, она извлекла оттуда бутылку «Сан-Пеллегрино». Допив воду, она вспомнила булгаковскую Маргариту и волшебный крем, переданный ей Азазелло перед балом ста королей, и решила проделать примерно то же самое. В успехе она не сомневалась.

Утро следующего дня началось обычной суетой, и, только спустившись вместе с другими сотрудницами секретариата в столовую на бизнес-ланч, она поняла, что ни на минуту не переставала думать о странном человеке, так неожиданно появившемся в ее жизни и не назвавшего своего имени. Особое удовольствие, не поддающееся описанию и осмыслению, она получила, когда в середине следующего дня Игорь Низовцев, зайдя в приемную и начав свои медоточивые речи, изменился в лице, когда Лена передала ему листок с двумя словами: «Красные ворота». Безымянный человек знал цену своим словам.

Откуда ей было знать о весьма распространенной и древней как мир кодировке мест для встреч, употребляемой в сообществах, не стремящихся к узнаваемости со стороны властей. И вот теперь Филипп, когда-то ставший для Игоря Низовцева ночным кошмаром, вновь вры-

[17] Высший уровень среднего класса (*англ.*).

вался в его жизнь, да еще и со стороны женщины, по сути пренебрегшей им. Не будь у него врожденного иммунитета к различного рода неприятностям, ему бы потребовался валидол, всегда хранившийся в аптечке у Паулины Фроловны. Повертев дрожащими пальцами записку, он, справившись с охватившим его волнением, сумел найти в себе силы и вежливо поблагодарил Гангарт за оказанную услугу. Масштаб личности измеряется событием, способным лишить человека равновесия. Красные ворота означали всего лишь необходимость срочной встречи в совсем другой локации, откровенно говоря, даже не в центре города. Низовцев немедленно нашел свои плюсы в произошедшем и даже изобразил улыбку на лице. Подмеченный им во взгляде Гангарт восторг от его замешательства означал, что у нее есть собственные тайны, дающие ему некоторую фору в предстоящей игре на выживание.

* * *

Закрыв за Леной дверь, Виктор Павлович Земцов задержался перед зеркалом, с недоверием рассматривая в нем лицо немолодого мужчины со слегка обвисшими щеками с уже выступившей вечерней щетиной. Краешки бледных, будто покрытых тонким слоем воска губ брезгливо сползли вниз, придавая всей его физиономии недовольное выражение. Он давно не страдал юношескими комплексами и умел быстро утешаться самым простым и верным способом: вместо одной отказавшей дамы он пригласил двух, посговорчивее и поазартнее. Земцов не стал бы тем, кто он есть, если бы не умел одновременно решать несколько задач. Еще один вызванный им человек, числясь полицейским, по-настоящему служил только ему. Их связывала тайна, известная им одним, и установленная иерархия в этом тандеме не вызывала ни у одного из них каких-либо возражений.

Сергей был родом из Свердловска, теперь Екатеринбурга. После школы он приехал в столицу поступать на юридический, недобрал всего один балл и, так как шел без поддержки, в списках поступивших не оказался. Мог бы остаться в Москве, где у него были родственники по отцу, но предпочел вернуться в родной город. Сам пошел в военкомат. Просился на флот матросом и потому очень удивился, оказавшись в подмосковной Балашихе, где возле их расположения вместо моря был только пруд, на котором, по рассказам старослужащих, когда-то очень-очень давно снимали фильм про Герасима и Му-Му. Одной из черт его характера, который уже имел четкие, оформившиеся контуры сильной натуры, способной идти вперед, не жалея ни себя, ни других, было свойство адаптироваться к самым неприятным поворотам судьбы. После полутора лет под палящим солнцем Центральной Азии, где ему не раз приходилось принимать участие в боевых рейдах, карабкаться по почти отвесным скалам и преодолевать продуваемые всеми ветрами равнины, он вышел за ворота КПП в сопровождении таких же, как он, дембелей, гордо носивших вместо форменной фуражки краповый берет. Вернувшись в Свердловск всего на неделю, уехал снова в Москву, где на этот раз все-таки поступил на юридический факультет МГУ.

Этот поступок казался на первый взгляд необдуманным и нелогичным. Ведь получить высшее юридическое образование, служа в системе МВД, было проще, чем учиться на дневном без зарплаты. Сергей рассудил иначе: помимо системных знаний он получил возможность познакомиться с весьма нужными и влиятельными людьми, в первую очередь преподавателями, которые отдавали должное его усердию и прилежанию, а он, в свою очередь, старался не пропускать ни одного семинара. Будущий юрист легко ладил с сокурсниками, у него в друзьях ходила половина факультета, это давалось ему очень легко, и в дальнейшем работа с людьми стала его коньком. Единственной проблемой оставались поиски подработки. Деньги никто не отменял, и в магазинах, несмотря на кажущееся изобилие, цены весьма кусались. Многие его бывшие сослуживцы принимали самое активное участие в корпоративных войнах – так в те времена называли набеги на предприятия с целью их захвата. Справедливо рассудив, что любая

подработка на этих «заходах» рано или поздно ударит по его карьере, Сергей предпочел более криминальный и, как ни странно, более безопасный заработок. Хотя, конечно, была и другая причина. Время, проведенное в командировках, научило его, что в любом человеческом жилище есть хоть немного деньжат, припрятанных на черный день, а все хитроумные тайники представляли для него не более чем детский ребус.

Он предпочитал работать в одиночку, по старинке обнося квартиры зажиточных горожан. Каждый раз продумывая мельчайшие детали и заранее выбирая пути отхода. Никогда не оставлял следов, не ленился и ни разу не работал в одном и том же районе. Часто его добычей становилось такое количество наличных денег, что даже опытные домушники, привыкшие работать с наводчиком, могли бы позавидовать такой удаче, которая на самом деле была закономерна по той простой причине, что он умел слушать и наблюдать. Сергей мог позволить себе машину гораздо лучшую, чем его бывшие сослуживцы или сокурсники, но он был осторожен и всегда после хорошего «скачка» полностью сворачивал эту деятельность.

И все же ему пришлось завязать. Банально сработала охрана, и он, не успев выскочить из подъезда, столкнулся с двумя неповоротливыми мужиками в милицейской форме. Будь они порасторопнее или поудачливее и встреться им на пути кто-то другой, а не бывший боец элитного спецподразделения, все закончилось бы как обычно: они скрутили бы незадачливого домушника и, получив премии и благодарности, продолжали бы служить. На этот раз действовать надо было в разы быстрее и грамотнее, на что они, к своему несчастью, были неспособны. Стоявший впереди направил на Сергея автомат и, передернув затвор, приказал остановиться. Это не подействовало. Сержант потянул за спусковой крючок, но было уже поздно: Сергей, ухватив автомат за короткий ствол, развернул его от себя так, что все пять пуль ровно улеглись короткой полоской на бронежилете стоявшего за ними напарника, а шестая, прошедшая чуть выше, попав в челюсть, выскочила из затылка, выбросив густую темно-багровую струю. Оставлять в живых второго было бессмысленно, и он прикончил его ударом короткого ножа в шею. Ему приходилось убивать на войне, но оказалось, что это совсем другое. Ребят было жалко, они были с ним одной крови, и Сергей страшно переживал. С огромным усилием выйдя из этого состояния, он заставил себя зубрить криминалистику и уголовное право. Время неумолимо бежало вперед, и ему стало легче.

На четвертом курсе он решил съехать из общаги. После нехитрых эволюций с имевшимися у него наличными ему одобрили ипотеку по льготной ставке. А еще через некоторое время девушка, с которой он познакомился на одной днюхе у своего сокурсника, не уехала утром, а осталась ждать его, пока он вернется из университета. Сергей был на пятом курсе, когда она забеременела, и он решил переводиться на заочный. Одновременно ему удалось аттестоваться, и, получив звание младшего лейтенанта, он начал тянуть лямку дознавателя в одном из РУВД.

Его карьера взметнулась вверх, как ракета «земля – воздух», когда один из его бывших командиров, с которым он выезжал на боевые еще в срочную, стал замом министра внутренних дел и позвал его к себе своим помощником. За пять лет его маленькие звездочки поменялись на две побольше, он отвечал за самые деликатные мероприятия, никто лучше него не мог их исполнить. Отсутствие щепетильности и моральных барьеров делали его незаменимым.

Жизнь катилась по налаженной колее, его семья прибавилась за это время на еще одного ребенка. Заботливого отца теперь больше всего беспокоило образование и счастливое будущее детей, которое он связывал с учебой за границей. По этому поводу молодой отец все время вспоминал одну книжку, которая попалась ему в руки уже на втором году службы, когда он, изнывая от дембельской тоски, бесцельно слонялся по казарме. Он не запомнил ни названия, ни сюжета. Серега только уяснил, что речь шла о каких-то горных разбойниках, которые назывались абреками, и что они грабили и убивали, но никак не могли найти себе пристанище; и мать одного говорила своему сыну, что так жить не следует, мол, нет на земле деревни абре-

ков, сынок. В том смысле, что абрекам надо всегда скрываться. Тогда он принял на веру эти слова и всегда сдерживал свою алчность. Сергей хотел жить в достатке, но спокойно, и всякий раз, когда его начинало заносить, повторял как мантру зазубренные: «Нет на земле деревни абреков, сынок…»

Шли годы. Эта короткая фраза останавливала его от лишнего риска. Но однажды он увидел своими глазами, что такие деревни, оказывается, существуют! И все они уютно расположились в зажиточной Европе. Там любой злодей, разбогатевший неважно как у себя на родине и согласившийся соблюдать их нормы и правила, может рассчитывать на любезный и радушный прием равных себе «абреков» или их далеких потомков, важно только одно: денег должно быть по-настоящему много. Это открытие сыграло с ним злую шутку. Теперь, когда появилось пространство, в котором можно затеряться в случае форсмажора, молодой подполковник стал менее осторожным. Вирус стяжательства выжигал последние закоулки его души. Возможностей заработать было много, но эти деньги всегда делились на несколько частей, а учитывая его статус помощника, львиная доля всегда доставалась отнюдь не ему. Когда пришло настоящее дело, он чего-то недосмотрел, а может, просто критическая масса, необходимая для начала цепной реакции, наконец была достигнута. О точных причинах случившегося ему не было известно до сих пор. Просто в один из дней его шефа-благодетеля вызвали на ковер в кабинет к министру. Оказавшийся там же по случаю передачи хозяину кабинета абсолютно конфиденциальных инструкций Виктор Павлович Земцов хотел было откланяться, но, поняв, что мизансцена про борьбу с оборотнями разыгрывается в том числе и для него, решил задержаться.

Худощавый высокий парень с ранними залысинами, представившись старшим следователем прокуратуры, методично выкладывал собранные им факты, всплывшие в расследованиях. Все они напрямую указывали на личного помощника боевого командира, сидевшего тут же и, судя по побагровевшей лысине и выпученным глазам, готового к отправке прямиком в преисподнюю. У Земцова не было никаких сомнений в том, что святой Петр, владеющий ключами от части небесного царства, предназначенной для праведников, не допустит появления генерала в своей вотчине. Последней каплей стали высказанные следователем подозрения о неких, пока косвенных, уликах, способных пролить свет на старое дело о гибели патрульных, прибывших на место проникновения в частное жилище. Беднягу замминистра санитары утащили на носилках, и смотревший в окно Земцов готов был поклясться, что сам видел, как пара чертей, зацепившись хвостами за проблесковый маячок, уселись на крыше кареты скорой помощи и закрывали мохнатыми ладошками обзор, пытаясь помешать водителю доставить умирающего в реанимацию.

– Кто такой этот Сергей Самсонов? – обратился он к министру, который теперь жалел, что не спровадил высокого гостя вовремя, решив покрасоваться бескомпромиссной борьбой за чистоту вверенного ему ведомства.

– Какая теперь разница. Очередной корыстолюбец, готовый запятнать мундир за тридцать сребреников. Никаких церемоний с такими у нас не будет, – ответил тот.

– Я хочу лично изучить его досье, – сказал Земцов.

Он не стал добавлять ничего о срочности и важности своего распоряжения. В этой лаконичности была зашифрована сила его могущества.

Вопрос по прокурорскому следователю, не умевшему соблюдать субординацию, был закрыт днем позже. Сразу после того, как адвокат одного из его подследственных положил ему на стол конверт с деньгами, в кабинет ворвались бойцы СОБРа в масках и шлемах, крича что-то нечленораздельное типа: «Всем лежать, никому не двигаться!» Один из них ударил его ногой в колено, и, когда следак, согнувшись от боли, наклонился над столом, другой вложил ему этот самый конверт в руку и удерживал так в течение всего времени, пока их фотографировали сначала сотрудники оперативной группы, проводившей задержание, а потом и журналисты. Наибольшую обиду следователь чувствовал именно оттого, что ему вложили этот зло-

получный конверт насильно. Не то чтобы он не намекал этому пронырливому адвокату, что все можно изменить, если, как он выражался, люди смогут быть благодарными. Нет, конечно, он прекрасно понимал, о чем они говорили. Просто теперь, когда с ним обошлись как с последним уголовником, и это после всех его заслуг, ему стало казаться, что ни о чем он не просил этого прощелыгу адвоката.

Какие-то патлатые, неряшливого вида молодые люди с телевизионными камерами спрашивали, чуть не тыкая ему в лицо микрофоном: «За что вас задержали? Это ваши деньги? За что вы получили взятку?»

Они делали это с тем веселым задором, с каким повзрослевшие хулиганы, надев повязки дежурных по школе, третируют тех, кто послабее, придираясь ко всякой ерунде.

Потом его отвезли в городской суд, где уже поздно ночью он был ознакомлен с постановлением об избранной для него мере пресечения. Все это время он ругал себя за неосторожность последними словами. Иногда ему начинало казаться, что это сон, что сейчас он проснется и все будет как и должно быть – раннее летнее утро, он в своей комнате, а за стеной его мама, которая всегда вставала раньше и готовила ему завтрак, он смотрит на пробивающееся через занавески солнце и, потягиваясь, думает: «Надо же такому присниться!» Он несколько раз принимался щипать себя то за правую, то за левую руку, но ничего не помогало. Наручники, которые ему надели сразу после того, как исчезла вся пестрая и веселая стайка журналистов, вызывали у него ужас и оторопь, как будто он видел их в первый раз.

Он все время ждал, когда же наконец придет его непосредственный начальник – пожилой уже прокурор межрайонной прокуратуры Александр Сергеевич Кулигин – и как он ему все объяснит. Текст объяснения крутился в голове бессмысленной какофонией наподобие рвущихся из граммофона с испорченной пластинкой давно потерявших свою мелодию диезов и бемолей. Ему сразу, перед первым допросом, дали какого-то адвоката, одного из тех, которого используют, чтобы быстрее оформить всю писанину и не нарушать формальностей. Это был мужчина средних лет, одетый в видавший виды костюм, в растоптанных ботинках коричневого цвета. Оставшись с задержанным один на один и обдавая его дыханием человека с нездоровой печенью, адвокат принялся убеждать следователя во всем повиниться. Взамен он гарантировал подписку о невыезде или, в худшем случае, домашний арест. Бедняга слушал его, не поднимая головы, и вспоминал, сколько раз он говорил те же самые слова, с той же интонацией, и ему становилось тошно от самого себя и от всего происходящего. Пропасть, разверзавшаяся прямо под его ногами, неумолимо, с каждой минутой становилась глубже, и навстречу ему из бездны своими изорванными краями смотрели все ужасы ожидавшей его тюрьмы и позора. Он тер виски пальцами рук, и наручники, которые так никто и не подумал расстегнуть, как будто он был закоренелый серийный убийца, маньяк, на счету которого бесчисленные жертвы, касались его лица, не давая ни на секунду забыть о своем отчаянном положении.

Виктор Павлович Земцов нарочно не скрывал от Сергея Самсонова злую судьбу безымянного следователя, так опрометчиво для себя полезшего в чужой огород.

«Мало ему было простых телогреек?!» – задавал он сам себе риторический вопрос, держа в руке пузатую рюмочку с коньяком.

Лимонные дольки, нарезанные тончайшими ломтиками, были слегка припудрены сахарным песком и истекали прозрачным соком, ожидая своего часа. Молодой подполковник с поседевшими за эти сутки висками стоял напротив, боясь сделать лишнее движение. Обращались явно не к нему, и он хранил молчание, ловя каждый жест своего нового хозяина.

* * *

Со временем их отношения стали менее строгими в смысле раболепия одного и всемогущества другого. Отправив приехавших чуть раньше девиц в свой домашний спа, состояв-

ший из уютного хамама и небольшого бассейна плюс неизбежного джакузи с регулируемой температурой, Земцов встретил своего вассала в прихожей все в том же халате. Они поднялись по стеклянной лестнице на один этаж вверх. Этот небольшой кабинет был святая святых для Виктора Павловича, имевшего свой пунктик в вопросах конспирации и личной безопасности.

Массивная дверь с цифровым замком делала его похожим на большой сейф.

Стены, пол и потолок были покрашены белой краской и не имели ни малейшего декора, за которым могло бы притаиться записывающее устройство. Раз или два в неделю его владелец лично проверял все помещение с помощью специальной аппаратуры.

Подполковнику Самсонову пришлось уйти из министерства, после того как чертям удалось прибрать к рукам его боевого товарища и благодетеля. Новый покровитель, высокомерный и безапелляционный, рассчитывал получить от него гораздо больше пользы «на земле», и вот уже несколько лет Сергей успешно применял навыки розыскника, возглавляя ОРБ в одном из московских округов. Служба, в которую он с головой погрузился, вскоре превратилась для него в привычную рутину из «срочных и неотложных» дел. Их важность мгновенно переставала быть актуальной в двух случаях: тема переставала быть интересной начальству или же экономическая составляющая вопроса себя полностью или частично изживала. На сегодняшний вечер его планы ничем не отличались от обычного распорядка. Он успел поужинать и немного поиграл с детьми, пожурив старшего за очередную стычку с одноклассником, впрочем, его это не сильно напрягало. Получив вызов от Земцова, Сергей немного расстроился: его жена, Светлана, сегодня была явно в игривом настроении, и, уложив детей, они собирались посмотреть пару хороших фильмов.

В полупустом кабинете Земцова стояло всего два табурета. Все встречи проходили тут с глазу на глаз, и захламлять пространство не имело смысла. Присев на самый краешек, Сергей поймал себя на мысли, что ему требуется усилие, чтобы не смотреть на синие узлы вен, пузырями вздувшиеся на белых ногах сидящего напротив старика. Как будто почувствовав это, Земцов поправил полы халата, прежде чем начал говорить.

– Запоминай. Игорь Станиславович Низовцев, посмотри этого персонажа. Кто за ним стоит. Мне кажется, я уже слышал от кого-то это имя, но вспомнить пока не могу. Разузнай побольше о нем. Нам надо знать все. Дальше. Хайруллин, это старый козел, его на прослушку: дом, дача, сортир. Тебя учить – только портить, остальное сам допетришь.

– Сроки? – спросил Сергей.

– Обычные. Составь полную картину. Кто, где, когда. Может быть большой куш. Тебя не забуду.

Земцов произносил слова медленно и негромко, едва разжимая губы. Казалось, он экономит силы для ожидавших его девиц.

* * *

Москва, Россия. Осень 2012 года

Этой же ночью, вернувшись на службу, Сергей заперся в своем кабинете. Просмотрев несколько папок с «висяками», он выбрал один, наиболее бесперспективный, затем, покопавшись в ящиках стола, достал несколько запечатанных конвертов с новыми сим-картами и там же взял новую коробку с одноразовым мобильником. Положив все это в пластиковый пакет, накинул пиджак и спустился к машине.

Покатавшись по ночному городу, он остановился в тихом переулке, активировал симку и набрал номер. Надо было немного подождать. Первые в этом году снежинки таяли, едва коснувшись теплого стекла, и вместе с каплями дождя стекали вниз неровными полосками, напомнившими ему вены на ногах Земцова. Он включил дворники и посмотрел на часы. Вот-

вот должен был появиться некто Филипп, его правая рука, единственная надежная ниточка, связывавшая его с настоящим андеграундом. Прошло еще пять или семь минут, прежде чем мужчина в черном пальто и джинсах, заглянув в окно и убедившись, что Самсонов приехал один, сел на переднее сиденье.

– Что за срочность? Есть движение по нашему делу? – спросил он Сергея, повернувшись к тому вполоборота.

– Если не срочно, на кой ляд я приехал бы ночью? – ответил тот, протягивая ему папку с оперативным делом. – На, ознакомься, потом объясню диспозицию.

Мужчина молча взял папку и, включив маленький фонарик на брелке с ключами, начал внимательно читать. Сергей терпеливо ждал, пока тот закончит. Филипп – это было ненастоящее имя – был не просто его человеком. Их связывала какая-то тайна, нечто большее, не ограниченное формальными рамками. Самсонов обращался к так называемому Филиппу крайне редко и только для самых важных и элегантных фальсификаций, следы которых ни при каком варианте не должны были привести к истинному бенефициару. В простых, если можно так выразиться, ординарных заказах, в немалом количестве поступавших от враждующих коммерсантов, обманутых супругов и просто мстительных чиновников, для таких целей использовались старые дела. Под предлогом, что в отложенном расследовании появились новые, неизвестные ранее обстоятельства, полученные от штатных стукачей, подтягивали совершенно непричастного к этому делу человека, о котором надо было собрать материал. После этих манипуляций на совершенно законных основаниях к делу подключались все оперативные возможности его ОРБ. Вся информация добросовестно проверялась. Ее дальнейшая судьба зависела от поставленной задачи и финансовой составляющей. Одним словом, для решения поставленных Земцовым задач можно было обойтись и без этого загадочного человека. И все же Сергей посчитал нужным выдернуть на встречу именно Филиппа, и никого другого. Ночной выезд и все проведенные приготовления с сим-картами могли показаться излишними дилетантам и самоучкам, но только не этим двоим асам краж, подлогов и фальсификаций, легко перевоплощавшимся из одной ипостаси в другую. Они оба были наглядной иллюстрацией к закону «единства и борьбы противоположностей», который догматы материализма считают краеугольным камнем всей философии. Дождавшись, когда Филипп закончит читать, Сергей протянул в обмен на возвращаемую ему папку конверт с установочными данными Низовцева и Хайруллина.

– Посмотри этого парня, завтра встретишься с опером, твоим куратором, и дашь информацию. Найди ему правдоподобную роль в этом уголовном деле. – Он протянул ему еще один конверт. – Здесь сразу расчет. Запомнил? Давай обратно бумаги.

Самоуверенность часто подводила Самсонова. Брезгливо отстранив протянутый конверт в сторону, сидящий рядом с ним человек заговорил, стараясь тщательно подбирать каждое слово.

– Это не те деньги, которые могут меня заинтересовать. То, что я иногда помогаю тебе давить фраеров, ничего не значит. Это ты работаешь на меня, хотя кому-то может показаться все наоборот.

О том, что Филипп, устав от вынужденного безделья, начал против Адама Магера самостоятельную игру и фигура Низовцева попала в фазу его активной разработки несколько часов назад, Самсонов не имел ни малейшего представления.

– Не круто берешь? Хайруллин – фигура серьезная, проблем не будет? – спросил Филипп.

Он знал о людях этого города гораздо больше, чем полагал наивный подполковник.

– Раньше не было и теперь не будет, не подведи меня. Сделаешь – обещаю ускорить решение нашего вопроса, – стараясь придать уверенность своим словам, ответил Самсонов.

В тишине возникшей паузы было слышно, как плохо закрепленные листы железа на одном из ближайших гаражей бьются один о другой при каждом порыве ветра. Дождь усиливался, и намокшие от него листья, не в силах удержаться на ветках, улетали куда-то вдаль.

Услышанные имена были хорошо знакомы Филиппу. Такие совпадения не так уж редки в закрытых сообществах, где число избранных и посвященных ограничено необходимостью сохранять осторожность и не выставлять способы своих заработков напоказ. Сейчас он говорил с недоверием, нахохлившись, как от холода. Решение не спешить с подачей известной ему информации пришло в момент поспешного ответа Сергея. Они встречались крайне редко, и все разговоры по телефону ограничивались назначением мест для встречи. Все названия были условными, и каждому соответствовало количество часов, автоматически прибавляемых или вычитаемых из озвученного в трубку. Первое время Филипп сопротивлялся такому уровню конспирации, но Самсонов был непреклонен. Главным и решающим аргументом в спорах стало количество задержаний и арестов Филиппа, явно свидетельствовавших не в его пользу. Предосторожности придавали нервозности каждой встрече. Невысказанное накапливалось, перерастая в раздражение, которое могло выплеснуться в непредвиденные последствия. Пауза затянулась, и Сергей уже надеялся, что сегодня его товарищ не станет возвращаться к теме, которая после встречи в Ницце надолго объединила их обоих.

– Хорошо, что ты сам начал этот разговор, – наконец нарушил молчание Филипп. – Когда я пришел к тебе, все было по-другому. Я заплатил щедрый аванс, и все, что от тебя требовалось, – это помочь мне забрать причитающуюся мне долю…

Он хотел продолжать, но Сергей жестом остановил его.

– Не надо сейчас ворошить. Ты не хуже меня знаешь, чем все тогда закончилось. Только одному Богу известно, как нам повезло с тем, что меня спас и взял под крыло большой человек, – сказал Самсонов, стараясь быть как можно убедительнее в своем стремлении не возвращаться больше к этой теме.

– Земцов Виктор Павлович?! Ба-а-льшой чел-а-а-век? Это по каким понятиям? – на блатной манер растягивая гласные, почти пропел человек, называвший себя Филиппом.

Он стянул перчатку, и Самсонов, как ни старался отвести взгляд, не смог не посмотреть на наглухо зататуированную кисть его правой руки. Один из четырех перстней на тонких, почти как у пианиста, пальцах указывал на принадлежность его владельца к высшей воровской касте.

– Может, ты и себя, назначив полканом, или кто ты там у ментов по званию, все попутал и забыл, кто тебя оставил жить и не скормил свиньям в Ебурге? Да от тебя трупами смердит, учить меня вздумал! Я сам решу, чего ворошить, а чего нет. Бриллиантов тогда было не меньше, чем на пол-ярда в баксах. Страховки наверняка давно выплачены. И я знаю, у кого сейчас и камни, и деньги. И не я один, к сожалению: Леонардо умудрился выйти до срока и уже три года роет землю, чтобы добраться до горла ювелира из Тель-Авива. Только он не в Тель-Авиве и не ювелир. Адам был где-то здесь, в Москве, пока ты его не спугнул, а мы ходим вокруг да около, как лиса вокруг винограда. Надо решаться. Я нутром чую, неспокойно скоро тут станет. Предчувствия плохие, а у меня на них нюх.

– Ты закончил? – Самсонов перестал бороться с магической силой, словно притягивающей его взгляд, и теперь неотрывно смотрел на синие от перстней пальцы урки.

Все, что говорил Филипп, имело под собой достаточные основания. Оба начинали чувствовать взаимное недовольство, постепенно перерастающее в неприязнь, одновременно понимая бесперспективность разлада между ними. Когда-то давным-давно, так давно, что иногда им обоим казалось, что, возможно, этого никогда и не было, они жили в соседних подъездах длинной и унылой многоэтажки и даже ходили в одну школу. Внешне абсолютно не похожие друг на друга, они никогда не были, да и не могли стать ни друзьями, ни товарищами. Разница в возрасте – Сергей был младше на пять с половиной лет – тем более не способствовала появлению каких бы то ни было точек соприкосновения. Их детство и юность прошли в параллель-

ных мирах, не способных проникнуть один в другой. Отец Филиппа, когда-то слесарь шестого разряда на секретном машиностроительном заводе, после своей четвертой «командировки» получил звание ООР[18]вместо Героя Социалистического труда. Он сгинул в тюрьме, оставив в наследство своему единственному сыну «золотые руки», больную мать и лютую ненависть к ментам.

Никогда и ничего наверняка не было между этими повзрослевшими теперь людьми, сидевшими вместе в машине. Не было и не могло быть. Поставь их рядом и спроси, кто хороший, а кто плохой, даже маленький ребенок, успевший послушать сказки про славных молодцев и всякую нечисть, безошибочно указал бы пальчиком, выбирая доброго дядю, на бравого подполковника. Кособокому и сейчас еще более тщедушному Филиппу, с почти лысой головой, суждено было играть роль негодяя на любой сцене. C'est la vie[19], как говорят французы. Или все-таки что-то было? Они никогда не обсуждали потом их первую и последнюю встречу в том городе, из которого они разъехались кто куда.

* * *

Свердловск, Россия. Лето 1987 года

Утром понедельника весть о краже из ювелирного магазина на углу улицы Скрябина разнеслась по городу со скоростью света. Во всех очередях и просто в общественном транспорте только и разговоров было, что о золоте и бриллиантах, доставшихся похитителям, можно сказать, даром. Скептики выражали сомнения в возможности реализации краденого по госрасценкам.

«Все сдадут по цене лома», – такой вердикт вынес пятидесятилетний Ваня Сапунов в курилке литейного цеха местного машиностроительного завода, хмуря брови, заросшие, как у сказочного фавна.

Стоявшие вокруг него мужчины и женщины с зеленовато-белой кожей, обтягивающей исхудалые лица, согласно закивали. Сделав еще по одной, последней и самой глубокой затяжке в свои черные от копоти легкие, они, натянув теплозащитные варежки, отправились обратно в цех. В литейном в те годы платили еще хорошо, и работяги искренне не понимали и не приветствовали антиобщественные выходки зарвавшихся молодчиков.

Чуждо такое поведение было и только что успешно сдавшему все школьные экзамены Сергею Самсонову. В субботу на выпускном вечере ему вместе с аттестатом вручили грамоту о победе на городских соревнованиях по военно-спортивному троеборью, в котором он участвовал еще зимой. Лыжи и стрельба из мелкашки были его коньком, да и подтянулся он пятьдесят семь раз, чем заслужил неподдельное восхищение военрука. В отличие от большинства мальчиков и девочек из своего класса, Самсонов не пил водки, да и к менее крепким напиткам оставался равнодушен. Все воскресенье он собирал чемодан, пытаясь хоть как-то вместить невмещаемое. Он уезжал поступать в московский университет на юрфак, стопки книг по истории вперемешку с детективами стояли по всей его комнате и пытались захватить соседние пространства, с чем его младшая сестра вела бескомпромиссную битву. Какая-то деталь, нечто необычное в воскресном утре, выбивалась из привычного ритма выходного дня и отвлекала от сборов. Подолгу смотря в окно или прислушиваясь к звукам за стеной, он спрашивал сам себя о причине этого феномена.

Его комната была крайней в их трешке и граничила с соседской квартирой, вход в которую был из другого подъезда. Пару лет назад он повесил на нее подушку для тренировки удара,

[18] Особо опасный рецидивист.

[19] Такова жизнь (*фр.*).

и первую неделю все было спокойно, но в какой-то день он влепил пяткой в прыжке с разворота и из-за стены раздался ответный стук. Судя по всему, кто-то демонстрировал свое возмущение беспорядочной дробью, выбиваемой кулачками о бетон. Вежливый и аккуратный в общении, юноша перенес занятия карате в парк, и инцидент был исчерпан. Но с тех пор, незаметно для себя, Сергей стал прислушиваться к звукам за стеной. Делая это бессознательно, он привык к ним, как кроссраннер привыкает к рельефу местности.

В понедельник, услышав по радио новость о дерзкой краже, он сложил два и два и понял, что было не так весь воскресный день. Подойдя к этой самой стенке, Самсонов долго прислушивался к звукам и, не расслышав ничего, принялся размышлять. Позвонить в милицию? Что дальше? Он станет кем? Следователем? Это вряд ли, стопки детективов сестры были им внимательно прочитаны и детально изучены, его стремление пойти на юридический было продиктовано отнюдь не химерами о справедливости. Самсонов давно и точно знал, в чьи сады прилетает синяя птица удачи. Из-за молодости и неопытности в тот день он не мог составить четкого плана. Его вело провидение, и он решил не рассуждать. Зацепив нунчаки, как-то по-домашнему висевшие на крючке в прихожей, он пружинистой походкой спустился вниз и так же легко, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся на пятый этаж. Железная дверь с тремя замками и глазком явно иностранного производства немного испортила ему настроение, правда только на одно мгновение. Открыв зеленый щиток, за которым притаились электросчетчики, он, еще раз сверившись с номером квартиры, поставил рубильник в положение «выключено». Юркнув за стенку и став невидимым для заморского глазка, пуленепробиваемой линзой таращившегося теперь в пустоту, Самсонов приготовился ждать сколько нужно.

В подъезде стояла тишина, характерная для середины рабочего дня. Иногда кто-то вызывал лифт, и внизу, в парадном, были слышны детские голоса. Один раз лифт остановился этажом выше, и Сергей начал думать, как ему поступить, если его увидят. Менять свое положение ему было не с руки: уверенность, что все это время кто-то внимательно наблюдает за малейшей тенью, падающей на бетонный пол лестничной клетки, была стопроцентная. Едва слышный щелчок собачки дверного замка послужил сигналом к активной фазе операции. Парень, встретивший его в коридоре, держал в руке заточку и явно не собирался сдаваться. После первого взмаха нунчаки зацепили стеклянный плафон, висевший в темном коридоре, и дождь из острых осколков посыпался сверху на уверовавшего в скорую победу гостя. Действительно, даже будь его соперник вооружен чем-то более серьезным, чем отшлифованный на фрезерном станке кусок арматуры, вид его был жалок и рассчитывать на серьезное сопротивление не приходилось.

Филипп, а это был он, пусть и звали его тогда по-другому, был далек от канонов античного героя. Позвоночник, искривленный сколиозом, не позволял ему двигаться с достаточной быстротой и точностью. Однако неожиданная ошибка, сделанная нападавшим, привела к ситуации, близкой к смертельной: кровь, хлынувшая из многочисленных ран на темечке, стала заливать ему глаза. Пытаясь выиграть время, он крутил восьмерку, держа нунчаки в правой руке и одновременно пытаясь стереть кровь с лица. Ему почти это удалось, глаза стали видеть, но в этот самый момент острая боль пронзила его правое запястье. Кисть безвольно раскрылась, тщетно пытаясь удержать деревянный шестигранник. Следующий укол Самсонов получил в ногу и, уже падая, потерял сознание от удара ногой в голову, пробитую словно футбольный мяч в серии пенальти.

– Ты мент или сука?

Этот вопрос, очевидно обращенный к нему и ни к кому другому, был первым, что он услышал, очнувшись от ушата холодной воды в лицо. В голове стоял звон, и с каждым ударом сердца, толкавшим кровь по малому кровеносному кольцу, боль врывалась в нее и билась о черепную коробку, как волны во время шторма бьются о прибрежные скалы. Сергей захотел сказать, что он не то и не другое, что он никогда не служил в милиции и уж точно никого и

никогда не предавал, а значит, он никак не может быть сукой. «Колымские рассказы» Шаламова тогда еще не нашли своего читателя и точного значения этого понятия он не знал.

– Чего молчишь? Зачем пришел? Я знаю, кто ты, – говорил сидевший рядом с ним на корточках парень.

Сергей теперь и сам узнал его. Когда-то его исключили из их школы за кражу, и малолетка отправился прямиком в «университеты», которые Горькому и не снились. Сергей продолжал молчать. Мысли его метались с одной на другую, и он с ужасом понимал всю безысходность своего положения.

– Что, стенка тонковата и вчера ночью ты расслышал, как здесь делили рыжье? – сам ответил за него сосед. – Ладно, это мой косяк, я его и исправлю. На, возьми, считай, что это твоя доля, – говоря это, он протянул лежащему на полу подростку увесистый кулек, свернутый из газеты и перемотанный синей изолентой.

– Ты отпустишь меня? – с надеждой в голосе и еще боясь пошевельнуться спросил Сергей.

– Иди с богом, касатик, живи правильно. Пикнешь – вырежем всю семью.

Вернувшись домой, Сергей долго лил перекись водорода на порезы. Кровь, запекшаяся в спутанных волосах, мешала процессу, а когда он попробовал вымыть голову под душем, ранки открылись снова, и в ванну потекла розовая вода. Проколы на руке и бедре оказались совсем неопасными, ни кости, ни нервы задеты не были, и, залив их йодом и проклиная от боли все на свете, Сергей перебинтовал их, успокаивая себя тем, что и раньше на нем все заживало как на собаке. В кульке, который он разложил на письменном столе, сдвинув в сторону списки вопросов, обычно встречающихся на экзаменах, оказались в основном кольца без камней и множество тонких цепочек пятьсот восемьдесят третьей пробы. Такие обычно носили поверх свитеров небогатые женщины, получившие от советской власти чистую работу. Все ценники были на месте, и Самсонов, подивившись тупости похитителей, начал их срезать маникюрными ножницами. Взяв калькулятор и переведя полученную в итоге сумму в свободно конвертируемую валюту, он получил около двадцати трех тысяч. Глянцевые ярлычки он сжег в железной миске, а пепел утопил в унитазе. Само золото он спрятал в углу под паркетной доской, которая давно отошла и свободно снималась с места после неудачных упражнений с гирей. Дабы избежать справедливого родительского гнева, он переместил на разбитый паркет свою кровать под предлогом необходимости большего пространства для учебников. Теперь старая уловка обрела новый смысл, и он не поленился закрепить паркетную доску маленькими гвоздиками, которые незаметно вбил по торцам. После всех проделанных манипуляций он еще долго не мог успокоиться, и его тело охватывала мелкая дрожь. Ко всему прочему страх схватить лихорадку или столбняк от непонятного металлического штыря не давал ему покоя. Истории про заражения трупным ядом были излюбленными темами для разговоров подростков, среда обитания которых становилась с каждым годом все агрессивнее. На смену таким фильмам, как «Летят журавли», пришли «Рэмбо» и им подобные. Несколько раз он мерил себе температуру и поливал запекшиеся проколы йодом. Как ни странно, все обошлось, и к вечеру ему удалось взять себя в руки.

Возможно, именно из-за этих событий поступить с первого раза у него не получилось. Через год, уже находясь в войсках, он узнал от матери, что почти всех, кто участвовал в краже ювелирного, поймали. Больше всего в своем письме женщина сетовала о том, что в их доме жил уголовник, молодой совсем парень, пошедший по скользкой дорожке своего отца. Для нее такое соседство было ужасающе недопустимо, ведь этот негодяй мог залезть и к ним и украсть все сбережения, скопленные за годы жизни. Перечитав письмо несколько раз, Самсонов почувствовал, как у него пересохло во рту. Выйдя из комнаты для самоподготовки, он спустился вниз в душевую, где долго пил воду из-под крана, затем умыл лицо и направился прямиком на площадку для курения. Вообще-то, он не курил, даже не баловался папиросками. Физическая

сноровка, ловкость и выносливость были у него в приоритете. Он дал себе зарок больше никогда не совершать таких ошибок, как тогда с нунчаками. Подойдя к группке солдат, смоливших «Приму», он попросил закурить.

– Что, невеста изменила? – спросил один, указывая на листок письма, который Самсонов так и держал в руке.

– Да нет, мать пишет, что тяжело ей с отцом, болеет, – ответил он по-простому.

В письме этой теме было уделено немало места, и ему не пришлось ничего сочинять. Сделав пару затяжек и почувствовав неприятное головокружение, он отдал начатую сигарету вовремя подоспевшему новобранцу и, убрав письмо в нагрудный карман гимнастерки, вернулся в казарму.

Мысли о том, сдаст или не сдаст его этот кривобокий мутант, мучили его следующие полгода. Их полк перебросили в зону боевых действий, и, находясь в отчаянии, он шел на любой риск, забыв о смерти и возможных увечьях. Судьба хранила его и в бою, и в жизни. Наконец уверенность в том, что о нем не расскажут там, где не надо, победила, и Сергей почти забыл о том парне, который вручил ему сверток с золотом и приказал молчать. Вернувшись после службы домой, он толкнул золото через посредника одному барыге и, получив за все чохом около пяти тысяч баксов, смог купить себе новую одежду и подарки для матери и отца, отложив кое-что на будущее.

* * *

Ницца, Франция. Весна 2008 года

Весной две тысячи восьмого года, когда сотрудников МВД еще выпускали за границу, Самсонов с женой и детьми снял скромную виллу на мысе Антиб, недалеко от Ниццы. Все вокруг цвело и благоухало. Радостные мамаши прогуливались с ухоженными и хорошо одетыми карапузами по маленьким скверам и паркам. На пляжах под белыми зонтиками загорала разношерстная европейская публика, и молодой подполковник спрашивал себя, чем они занимаются в этой жизни, если могут себе позволить то же, что и он. Рев «феррари» и «ламборджини» на утренних безлюдных улицах был так же обычен, как ауканье грибников в подмосковном лесу.

Сидя на пляжном лежаке, он смотрел, как его дети строят замки, уносимые прибрежными волнами, и перебирал в голове все возможные варианты стать одним из местных, пусть даже без гражданства и права участвовать в выборах. Ему не понаслышке была известна подноготная демократических симулякров, и такая ересь его мало интересовала. Идущий мимо бродячий торговец прохладительными напитками и пивом остановился рядом, поставив казавшийся неподъемным наплечный баул на раскаленную гальку.

– Monsieur voule vouz un peu de'eau gazeuse?[20]– обратился он к застывшему в раздумьях подполковнику.

– Что? A! Water, no thanks[21], merci[22], то есть, – поспешил ответить тот.

Общество бродяги ему было неприятно, и он надеялся, что тот поспешит уйти. Каждый зарабатывает на хлеб как может, и этот небольшой человек с черной от загара кожей и в старых растоптанных кроссовках не вызывал у него ни жалости, ни сочувствия.

[20] Не хотите немного газировки, месье? (*фр.*)

[21] Вода, нет спасибо (*англ.*).

[22] Спасибо (*фр.*).

– О! Вы говорите по-русски? Давно из России? – Вместо того чтобы убраться, торговец, оказавшийся абсолютно бестактной личностью, продолжил разговор, к которому его никто не приглашал.

Все еще погруженный в свои мысли Самсонов брезгливо поморщился и сделал пренебрежительное движение рукой, без всяких сомнений и на любом языке обозначающее «отвали». Он тут же забыл о назойливом соотечественнике, когда тот наклонился к нему и ткнул твердым, как деревяшка, пальцем ему в бедро, в белое неровное пятно величиной не больше десяти копеек, не поддающееся загару.

– Откуда у тебя этот шрам, касатик? – спросил его незнакомец, очевидно переставший валять дурака и изображать из себя непритязательного попрошайку.

Теперь Сергей знал, кто стоит рядом с ним, знал наверняка и отказывался в это верить.

«Разве ты не должен был сгинуть в тюрьме, исчезнуть навсегда, пропасть наяву, как пропал из моей памяти? Испепелиться в аду, где тебе и место?» – ему захотелось вскочить и прокричать эти слова, пока не закончится дурацкий сон или скрюченное чудовище, явившееся к нему неизвестно откуда, не исчезнет само, оставив панораму лазурного берега чистой и спокойной, предназначенной только для избранных.

– Вижу, ты признал меня. Нам надо поговорить. Жду тебя сегодня вечером в Ницце. Возле отеля «Негреско», чуть в глубине, на второй линии, есть маленькое кафе. Приходи в девять вечера, полковник!

Воскресший из небытия уголовник сидел на корточках и в конце каждой фразы тыкал пальцем Сергею в коленку. Последние слова означали только одно: встреча была неслучайна. Нашедший его во Франции сиделец был отлично осведомлен о его карьерных успехах и, возможно, его тайном ремесле, ставшем для него чем-то вроде наркотика.

Все оставшиеся до встречи часы он не переставал думать, о чем его могут попросить. Деньги? Скорее всего, да, это будет банальный шантаж, и придется сделать несколько выплат. Это неприятно, но, увы, неизбежно. Прошлое – часть будущего. Смирившись с этим парадоксом, можно меньше переживать о потерях и смотреть на них как на погашение кредитов. В этот раз проценты не обещали стать неподъемными. Оставалось решить, где будет сподручнее поставить точку в этой истории. Ему не терпелось взять реванш за так позорно проигранный в молодости поединок. Сегодня он был уверен в своих навыках и готов был удавить этого наглеца голыми руками, независимо от того, чем он будет вооружен.

«Сначала послушаю его, потом прикормлю, а потом гуд бай, Америка», – набросал Сергей в уме приблизительный план.

Перспектива закрытия гештальта вдохновила его, и он с разбега, не обращая внимания на камни, бросился в море и долго плавал между буйками.

В Ницце Самсонов оказался часа на два раньше оговоренного времени. Местный нищий, приходивший к ограде музея Массена, как на службу, ровно в девятнадцать часов, уже разложил свой театральный реквизит, изображавший его жилье на улице под открытым небом. Сергей продолжал размышлять о возможном сценарии развития событий, но за невозможностью пока ничего предпринять ему только и оставалось, что, заказав кофе и апельсиновый фреш, ждать этого незваного гостя из прошлого. К своей необычайной досаде, считавший себя с некоторых пор лучшим в искусстве наружного наблюдения Самсонов опять пропустил появление этого человека. Даже не пропустил, а попросту не обратил внимания на средних лет рантье с длинными седыми волосами и козлиной бородкой, уткнувшегося в газету La Monde[23]. Тот сидел в самом углу за столиком на одну персону и пил кофе чисто по-французски, макая в него круассан, покрытый слоем сливочного масла, превращая содержимое чашки в невообразимую смесь крошек и жира. Ровно в девять вечера, рассчитавшись с гарсоном и оставив тому щедрые

[23] Мир (*фр.*).

чаевые, лжерантье, прихватив с собою смятую газету, подошел к столику, за которым, нервно поглядывая на часы, Самсонов потягивал через пластмассовую трубочку апельсиновый сок.

– Bon soire monsieure![24]Чего это ты без настроения? – спросил он, очевидно довольный произведенным эффектом.

– Не надоел этот маскарад? Как к тебе лучше обращаться? Месье или гражданин? – с плохо скрываемой досадой от своего просчета проворчал Самсонов.

– Зови меня Филипп. Имя, как ты знаешь, ненастоящее, но я привык к нему.

– Добро, Филипп. Зачем встреча?

– Я узнал, ты при делах у нас на родине, значит, сможешь мне помочь.

– Ты в бегах? Тебе нужен паспорт?

– Я свое отсидел, гражданин начальник, расслабься, – рассмеялся он в ответ.

– Тогда что? – не сумев сдержаться, довольно резко спросил Сергей.

– Слушай меня внимательно, касатик. – Голос говорившего незаметно изменился, и стало понятно, как это для него важно. – Как я догадываюсь, ты и слыхом не слыхивал о том, как в Антверпене в две тысячи третьем году распотрошили банковские ячейки подземного хранилища Diamante district[25]. Про это много писали, но сейчас это не главное. Мы с партнером сделали все так, чтобы большая часть куша досталась нам. Но я оказался слишком доверчив, опрокинул других и сам оказался на бобах. Такая вот се ля ви. Мои подельники-итальянцы, ребята со стержнем, бельгийским мусорам меня не выдали. Уверен, они по сей день не догадываются о моей роли в этой комбинации. Наверняка считают, что я остался с носом, как и все. Разница только в том, что я точно знаю, кто нас кинул и где его искать. Ты мой должник и не можешь отказаться мне помочь в этом деле. Прежде чем выйти на тебя, я навел справки и знаю, у тебя есть такие возможности. И еще, я дам тебе аванс из сладких остатков, что достались мне тогда.

– Мне надо подумать. Да, и еще, не называй меня больше касатиком, если не хочешь получить в нос. Лады?

– Хорошо, полковник. Теперь я буду обращаться к тебе только так, но думать времени не дам. Это не предложение, это условие, при котором ты останешься на плаву, а не поедешь шить варежки на красной зоне. – Филипп протянул ему свой телефон, на экране которого Сергей без труда узнал фотографию того самого барыги, которому скинул припрятанную ювелирку перед отъездом из Свердловска.

– Ну ты и урод. Ладно, о какой цифре реально идет речь? – спросил Самсонов, едва сдерживая желание броситься на сидящего напротив человека и прикончить его прямо здесь, не думая и не боясь никаких последствий.

– Точной цифры не существует. Те, кто участвовал в схеме, получили страховые выплаты, но они держатся в тайне. Когда мы с Адамом планировали это дело, должно было получиться около четырехсот миллионов, минус адвокаты, накладные и сопутствующие расходы. Минус доля участвовавших в этом коммерсантов и клерков страховых компаний. На самом деле там много белых воротничков замешано, и без их участия все это не имело большого смысла. Большинство камней не отшлифованы, но при этом помечены, и скинуть их можно, только находясь внутри рынка, доступ на который закрыт для таких, как я и ты. Короче, на нос получалось около пятидесяти лямов, ну, может, чуть меньше. Итальянцы были в курсе всего, кроме точных цифр. По бельгийским законам сумма украденного не влияет на тяжесть наказания. Все были готовы отсидеть по пятерке за причитавшуюся им долю, а она по-любому получалась немалая. По договоренности они должны были получить по десять миллионов евро наличными, ну, в смысле на номерные счета. Все, что было найдено полицейскими, – это пленки и остатки бутер-

[24] Добрый вечер, месье! (*фр.*)

[25] Бриллиантовый квартал (*англ.*).

брода на блюдечке с золотой каемочкой. Мое предложение такое: мою долю делим пополам, но этого человека надо наказать, он не прав не только передо мной. Итальянцы меня не сдали, и, как видишь, я свободно передвигаюсь. Так что с ними надо будет рассчитаться. Большие цифры делить легко. Легко сказать, например: «Получишь пять или десять миллионов», и собеседник это хавает просто потому, что сейчас у него нет ни пяти, ни десяти, ни одного, и ему все равно, сколько свалится на него с неба халявы. Большинство просто никогда не держало такие суммы в руках. Но как только речь зайдет о привычных каждому цифрах, не допросишься и ста евро взаймы. Из-за чаевых многие переживают так, словно эта мелочь может что-то изменить в их жизни. К сожалению, я это понял только сейчас. Как только обещанное мне и итальянцам приобрело реальные формы, мой бывший товарищ повелся на бабки. Скорее всего, он попросту решил, что все равно никто не будет доволен дележом, оставил все себе, заплатив только тем, кого не смог обойти, – закончил свой рассказ урка международного класса.

– Так ты у нас альтруист? А про аванс не забыл? – поинтересовался Самсонов.

Спорить сейчас о целесообразности делить с кем-либо гешефт от столь опасного и запутанного дела не имело смысла.

– Приятно слышать умные слова. – И Филипп достал из кармана брюк маленький мешочек, похожий на табачный кисет для махорки.

Положив его на столик перед собой, он легким щелчком пальцев отправил его скользить в сторону сидящего напротив мужчины.

– Сколько?

– Достаточно.

– Что дальше?

– Встретимся в Москве через десять дней. Можешь начинать работу сейчас. Вот данные на этого человека, – Филипп протянул ему сложенный вчетверо листок разлинованной в клеточку бумаги.

* * *

Так свела судьба этих людей – таких разных, если судить по анкетам, и таких близких по духу и морали, если знать их подноготную. По возвращении в Москву первые недели все шло по плану, они вот-вот должны были зажать Магера в тиски. Сразу после решения этого вопроса Самсонов намеревался подать в отставку и уехать жить за границу, оставив сумрачный и холодный московский климат в виде наследства менее удачливым коллегам. Неизвестно откуда взявшийся следак, доведший до инфаркта его боевого командира и благодетеля, смешал все карты. Ему пришлось лечь под Земцова и учиться дышать ровно, двумя ноздрями. Филипп злился, но терпел. Как люди, получившие хороший разряд тока от прикосновения к какому-то предмету, боятся повторить попытку вновь прикоснуться к нему, так и эти двое выжидали, пытаясь понять, существовала ли причинно-следственная связь между этими событиями. Боясь потерять подполковника из виду, мастер ключей, как за глаза называла его мировая пресса, подключался к самым интересным провокациям и фальсификациям, проводимым тем в интересах Земцова.

Возиться с более мелкими и тривиальными задачами ему было скучно и экономически невыгодно. Постепенно у них создавался союз, в котором роль ведущего и ведомого постоянно менялась.

Сердца обоих были далеко от той страны, в которой, подчиняясь обстоятельствам, они вынуждены были проводить время.

* * *

Москва, Россия. Осень 2012 года

Все пространство по периметру многоподъездного дома было заставлено легковушками. Сергею пришлось сделать по двору пару кругов, прежде чем удалось втиснуться в узкое пространство, ограниченное бетонными блоками. Часы показывали половину четвертого утра. Поднявшись на свой этаж, он открыл дверь, перед этим повозившись с большой связкой ключей, каждый из которых имел свое, иногда скрываемое от посторонних глаз назначение. Жена, весь вечер авансом заигрывавшая с ним, сейчас спала, и будить ее уже не имело смысла. Как у всех людей с хорошим достатком и здравым рассудком, комнаты этой квартиры были заставлены добротной мебелью, чьи полки украшали горы хрусталя и разных безделушек. Пара глянцевых журналов лежали на низком столике, стоявшем в окружении двух кресел напротив большой плазмы, висевшей на стене. Спать не хотелось. Отключив звук, хозяин дома выбрал спортивный канал. Показывали футбол. Ему было все равно, главное, изображение должно было постоянно меняться, не давая мозгу заскучать.

Он чувствовал себя волком-одиночкой без стаи и без друзей. Земцов, пообещавший не забыть его при дележе большого куша, который мог им обломиться в случае успеха, давно уже не был для него таким опасным, как хотел казаться. Взаимоотношения воспринимались обоими как данность, от которой Сергей устал и все больше раздражался. Пора было поговорить с ним о равном партнерстве. Он решил поставить ультиматум на ближайшей встрече. Много дел сделано вместе, и перспективы каких-то разоблачений со стороны старика приняли иллюзорный контекст. Теперь можно попросить равную долю и полную картины происходящего. Как провода телефонных подзарядок, оставленные на ровной поверхности, спутываются без видимых причин, так и отношения между людьми меняют изначальные позиции незаметно для неискушенных простофиль и в правильном направлении для заинтересованных в этом нейтворкеров.

Ему стало спокойнее от этих мыслей, и он незаметно задремал, сидя в кресле.

* * *

Той же ночью, распрощавшись с Сергеем, Земцов взглянул на часы, висевшие напротив входной двери в просторном холле, вмещавшем большой диван с низкими резными ножками и атласной обивкой нежно-зеленого цвета. Два кресла из того же гарнитура и журнальный столик делали помещение похожим скорее на гостиную, чем на прихожую. Стрелки приближались к одиннадцати вечера, и он с сожалением подумал, как быстро летит время. Идти к ожидавшим его девицам внезапно расхотелось, и, достав из кармана халата так и не использованный шприц, он засунул его в верхний ящик угловой витрины, заставленной стеклянными безделушками. Опустившись грузным телом на одно из кресел, он подключился по внутренней сети к скрытым видеокамерам, установленным в его спа.

Обе девицы со скучающими лицами копались каждая в своем телефоне. «Любви все возрасты покорны» – бессмысленность этой фразы приводила его в отчаяние. Увидь он сейчас вызванных им русалок резвящимися в бассейне или, на худой конец, обсуждающими какие-то городские сплетни, его настроение не испортилось бы так внезапно. Наибольшая порция закипавшей в его сердце злобы напрямую адресовывалась Лене. Только пару часов назад такая желанная и почти любимая, она на глазах превращалась в виновницу его старости и импотенции. Оба эти понятия даже в форме отдаленных эвфемизмов не обозначались в его сознании.

Все это перемешивалось гораздо глубже, на уровне звериных инстинктов, моментально подающих сигналы тревоги самцу, теряющему свои силы в глазах самок.

После того как его карьера все-таки пошла вверх и пришедшие вместе с властью деньги открыли перед ним неведомые доселе возможности, он иногда ловил себя на мысли, что в нем живут два существа, два разных «я», не вступая между собой в особо острые противоречия. Этим вечером, сидя в мягком кресле и пытаясь понять причины внезапной смены настроения, он ощутил пустоту в той части своей души, где раньше легко находил самоотверженного романтика, левого крайнего полузащитника, без которого футбольная команда университета гарантированно теряла очки в турнирной сетке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.